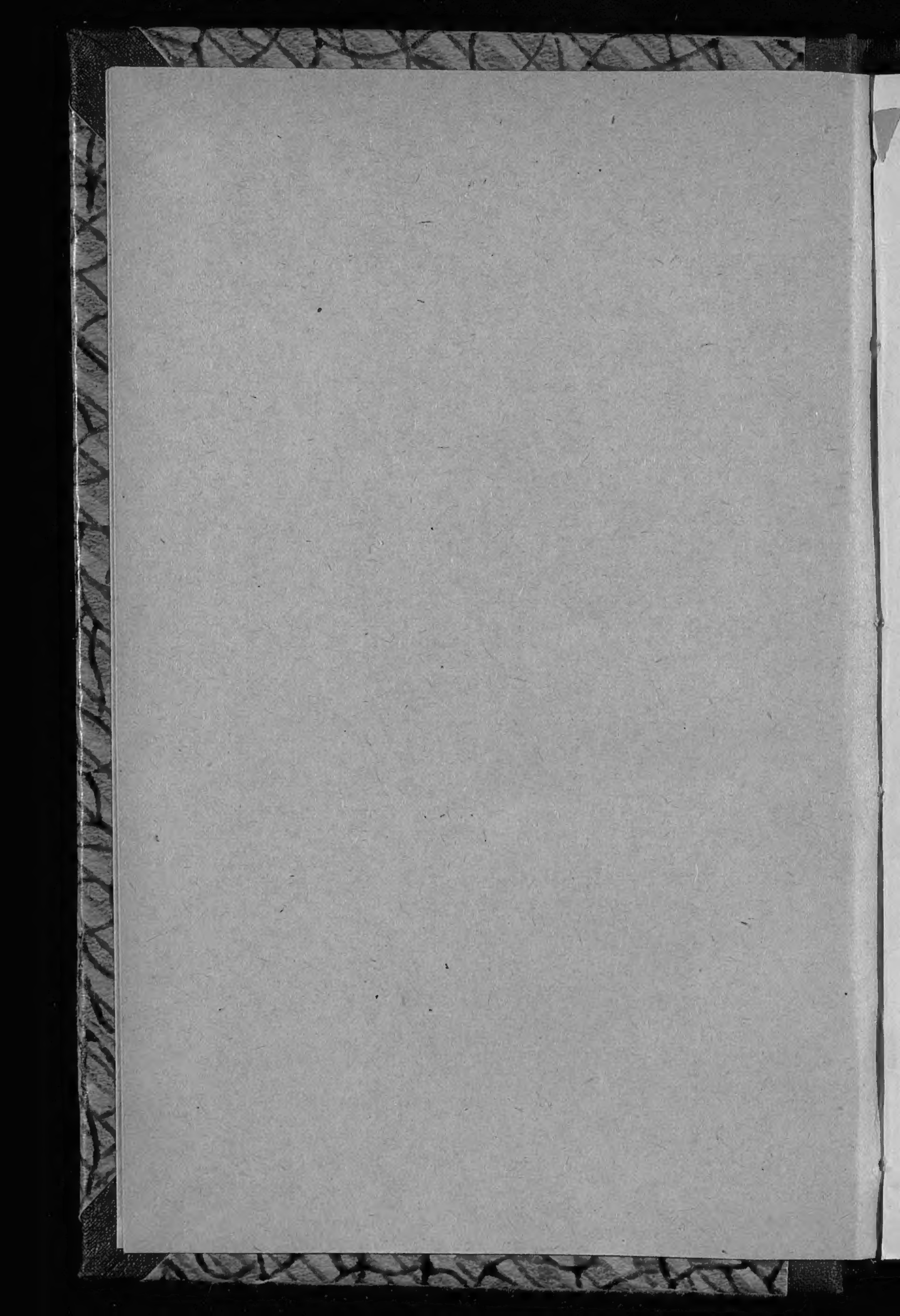

МАЙОР
Джон Долглейш

КАК МЫ ПЛАНИРОВАЛИ ВТОРОЙ ФРОНТ

ИНОСТРАННАЯ ВОЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Джон Долглейш

майор службы снабжения и транспорта английской армии

КАК МЫ ПЛАНИРОВАЛИ ВТОРОЙ ФРОНТ

ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРИЯ ПЛАНИРОВАНИЯ ВТОРОГО ФРОНТА

Сокращенный перевод с английского проф. Таубе А. М. и Изаксон Г. Э.

Предисловие Б. Изакова

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОЮЗА ССР
Москва — 1946

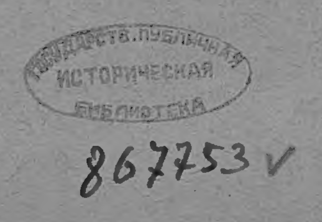
Майор Джон Долглейш.

«КАК МЫ ПЛАНИРОВАЛИ ВТОРОЙ ФРОНТ».

Сокращенный перевод с английского.

Книга вышла в Лондоне в издательстве Виктор Голланч в начале 1945 г. Автор, работник военного министерства Англии, в период подготовки к вторжению союзных войск на континент работал в штабе, планировавшем вторжение.

Книга освещает вопросы планирования и обеспечения этой крупнейшей десантной операции.

Редактор подполковник *М. М. Рудный*
Технический редактор *Д. Г. Моисеенко*
Корректор *А. С. Павлов*

Г07624. Подписано к печати 5.08.46. Изд. № 112 р
Объем $8^1/_4$ печ. л., 6,4 уч.-изд. л., 33450 зн. в 1 печ. л.

7-я типография Управления Военного Издательства
Министерства Вооруженных сил СССР
Зак. 241

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга майора Джона Долглейша бесспорно заслуживает внимания советского читателя. В ней изложен опыт внутреннего планирования и подготовки такой крупной военной операции, каким было открытие второго фронта. С интересом читаются страницы настоящей книги, посвященные регулированию движения войск на подходе к портам отправления, организации погрузки на суда, герметизации боевых машин для удобства высадки на неприятельское побережье, снабжению боеприпасами, горючим и т. д. Интересны и замечания автора о роли службы тыла в современных военных действиях.

Следует, однако, отметить, что подготовка второго фронта англо-американским командованием была операцией весьма своеобразной и в своем роде неповторимой. Фактор времени, играющий крупнейшую, а нередко первостепенную роль в подготовке и проведении военных операций, на этот раз как будто не принимался в расчет. Вторжение на континент планировалось и подготовлялось годами.

В течение всего этого времени Красная Армия фактически единоборствовала с вооружёнными силами фашистской Германии. Приняв на себя в июне 1941 г. главный удар этих сил, она планировала и подготовляла свое контрнаступление в самом ходе борьбы, пока на фронте шли тяжелые и непрерывные бои. Ей приходилось планировать сражаясь и сражаться планируя. В этих условиях подготовка контрудара против германского агрессора была несравненно более трудной задачей, чем та, с которой столкнулись Джон Долглейш и его коллеги — планировщики второго фронта.

И все же великое советское контрнаступление против фашистского агрессора намного опередило вторжение союзников на континент Европы.

СССР дал своим союзникам возможность осуществить то тщательное планирование второго фронта, о котором идет речь в настоящей книге. Однако автор обходит молчанием эту роль Советского Союза, без которой весь ход мировой войны принял бы иной оборот: форсирование Ла-Манша, возможно, было бы предпринято противной стороной, а подготовка контрнаступления союзников во всяком случае не носила бы такого спокойного и методического характера.

И даже давая обзор военной обстановки на театрах мировой войны в первые месяцы 1942 г., автор счел возможным совсем обойти молчанием операции на советско-германском фронте.

В последнее время за рубежом появилась уже довольно большая литература о второй мировой войне. Некоторые публицисты пытаются заглянуть за кулисы генеральных штабов, подобно подполковнику американской армии Ингерсоллу, автору нашумевшей книги «Совершенно секретно», вызвавшей ожесточенные нападки со стороны английской печати. Но в то время как Ингерсолл открыто обвиняет военное командование и правящие круги Англии в том, что они преднамеренно затягивали открытие второго фронта, майор Долглейш далек от мысли критиковать свое начальство. Напротив, он постоянно склонен искать мотивы для оправдания его действий, невзирая на то, что подобные поиски носят подчас довольно наивный характер. И все же, помимо воли Долглейша, его книга о планировании второго фронта обличает тех, кто срывал его открытие.

Книга Долглейша очень наглядно показывает, что организаторы второго фронта не спешили. Они уделя-

ли много забот каждой детали готовившейся операции, кроме одной, — ее срокам. Они не торопились, хотя в эти годы союзные им советские войска вели тяжелые и кровопролитные бои на Востоке.

Даже при этом полном отсутствии спешки, по компетентному свидетельству майора Долглейша, подготовка к открытию второго фронта была полностью завершена за целый год до высадки союзников в Нормандии. «К концу июля 1943 года мы были достаточно оптимистичны, чтобы чувствовать себя готовыми к дню вторжения», — отмечает Долглейш. «Я проникался все большей уверенностью, что ничто не может испортить это предприятие, — пишет автор. — Это было солидное, реальное, тщательно и любовно выпестованное и подготовленное дело».

Каково же было разочарование штабных офицеров, когда поступил приказ, заменявший вторжение на континент маневрами. Словно в насмешку, они получили условное наименование: «Упражнение Арлекин». Джон Долглейш и его коллеги стали жертвами своеобразной арлекинады.

«Я чуть не плакал, — вспоминает автор. — Так, значит, все наше планирование имело целью это проклятое упражнение? Офицеры-планировщики, которые неделями трудились, запираясь на ключ, заметно пали духом; интерес к работе упал». Даже много времени спустя, взяв в руки перо летописца, Долглейш не может не посетовать: «Мне кажется, что нас следовало бы при помощи какого-либо шифра предупредить, что это не является настоящей операцией, но никто из нас не хотел верить, что это что-нибудь другое, а не подготовка к фактическому вторжению».

Цепляясь за последнюю надежду, некоторые закоренелые оптимисты предполагали, что отмена операции

являлась двойным блефом и она все же состоится. Зато немецкая разведка была осведомлена лучше: начавшиеся массовые маневры на английском побережье не ввели ее в заблуждение. Несмотря на эти маневры, германское командование решилось перебросить семь своих лучших дивизий из Франции в Италию, на территории которой к тому времени начались военные действия. «Это было одно очко в пользу немецкой разведки», — замечает автор.

Как мы уж указывали, майор Долглейш слишком хороший службист, чтобы брать под сомнение намерения начальства. Он даже пытается задним числом оправдать отсрочку вторжения на континент летом 1943 года «необходимостью проведения репетиции». Но его аргумент звучит неубедительно. «Упражнение Арлекин» было не единственной репетицией такого рода: англо-американское командование проводило и раньше подобные маневры, о которых сам автор рассказывает на страницах своей книги. К тому же вряд ли необходимость проведения репетиции вторжения может оправдать его отсрочку на целый год.

И снова возобновились монотонные будни планировщиков второго фронта, которые столь образно описывает Джон Долглейш. По его словам, штабные работники постепенно изверились в серьезности намечавшейся операции и стали говорить о ней в ироническом тоне. Подобные настроения наложили отпечаток и на настоящую книгу. Недаром уже на первых ее страницах мы находим следующие характерные строки: «Только знающие лица на самых высоких постах и совершенно не осведомленные на нижних ступенях иерархической лестницы не сомневались в успехе. Те же из нас, которые занимали промежуточное положение, опасались и тревожились до самого дня высадки десанта и даже позже.

По признанию многих офицеров, разрабатывавших план вторжения, они все время боялись, что план окажется гигантским блефом, и мы так и не попытаемся вторгнуться в Западную Европу».

Какое многозначительное признание!

Текли месяцы... К началу апреля 1944 года относится следующая запись автора: «Поскольку это касалось нас, вторжение могло начинаться хоть на следующий день». Но дело зависело не от готовности войск, а от решения высоких инстанций... Можно понять автора, когда он жалуется на нервное напряжение штабных офицеров, пребывавших в вынужденном бездействии в ожидании приказа о вторжении.

И только летом 1944 года, когда Красная Армия на ряде участков перешла государственные границы СССР, пришел долгожданный приказ о вторжении союзников в Западную Европу. Джон Долглейш и его коллеги сперва даже не решились в него поверить и все ждали новой отмены или перенесения операции. Автор описывает их переживания с подкупающим простодушием.

А когда отплывают в решающий рейс караваны десантных кораблей, на белом меловом утесе британского побережья стоит майор службы снабжения и транспорта английской армии Джон Долглейш и... плачет. Вот как он объясняет чувства, обуревавшие его в тот миг: «Я стоял и плакал, не стыдясь своих слез. Трудно было поверить в реальность всего происходившего».

Свидетельские показания майора Долглейша бросают свет на некоторые причины затяжки открытия второго фронта в Европе. Так простодушный Джон Долглейш становится обличителем.

Борис ИЗАКОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Полная история планирования второго фронта потребовала бы по крайней мере миллиона слов и все же не была бы исчерпывающей. Настоящий труд имеет целью дать как бы вид с птичьего полета на то, что происходило за завесой тайны, окружавшей нашу работу по планированию в течение двух лет вплоть до дня вторжения.

Приподнимая эту завесу, я всецело отдаю себе отчет, насколько слабо я отобразил в своей книге беззаветный труд нескольких тысяч неизвестных мне военных и гражданских лиц, которые в течение долгих месяцев планировали эту единственную в своем роде операцию. Одному человеку не под силу проследить пути всех звезд в этом созвездии работников планирования.

Слабее всего я затронул деятельность трех главных организаций — королевского военно-морского флота, управления десантными операциями и королевских вооруженных сил. Упущение это сознательное, так как я слишком мало осведомлен об их работе, чтобы воздать им должное. Со временем это упущение, несомненно, будет восполнено более компетентными лицами.

Я сознаю также, что, я не везде договаривал до конца. Недостаток места и нелюбовь читателя к техническим терминам заставили меня воздержаться от более подробных описаний.

Настоящий труд является самое большее краткой сводкой событий. Я старался в первую очередь передать настроение и чувства людей, участвовавших в планировании, поскольку именно это в значительной мере способствовало успеху.

Я, вероятно, погрешил, стараясь упростить картину для лучшего понимания техники работы. Надо понять, что это было достигнуто ценой исключения тысячи факторов, усложнявших работу планирования. Мне пришлось умолчать о бесчисленных проблемах, то и дело возникавших и в конце концов разрешенных; упоминание о них только затруднило бы объяснение и без того сложной работы.

Джон ДОЛГЛЕЙШ

ГЛАВА I

Распределение ролей

ПРЕДПОСЫЛКИ ВТОРЖЕНИЯ

Летом 1940 года, сразу после Дюнкерка, из отдельных рот английской армии были сформированы первые «коммандос». Они заняли свои места вдоль юго-восточного побережья Англии. Они зачернили себе лица, сменили тяжелую армейскую обувь на мягкие полуботинки на резиновых подметках, собрали целый флот разнообразных небольших судов и начали готовиться к своей первой задаче — проведению поисков на побережье Европейского континента.

В то время как Гитлер собирал мощные армии вторжения в районе Па-де-Кале, наши маленькие десантные партии нанесли свой первый удар. В ночь на 24 июня 1940 года был произведен первый поиск «коммандос» между мысом д'Альпрек и Пуант дю Обан. Это было небольшое дело, ничтожный разведывательный поиск, чтобы получить сведения о расположении противника.

Маловажный по своим непосредственным результатам, этот поиск вывел многих людей из состояния глубокого отчаяния и заставил их задуматься. Нахальная маленькая Британия, показывающая нос могучим ордам гуннов! Первый шелест летнего ветерка, который через четыре года, почти день в день превратился в ураган второго фронта!

Было образовано управление десантными операциями, в ведение которого и перешли «коммандос». Вполне естественно, широкая публика полагала, что управление создается для планирования и проведения поисков на побережье, занятом противником. На самом деле это было лишь второстепенной задачей нового управления. Основной его целью, сформулированной в статуте, яв-

лялось: «Обеспечить подготовку к ведению сухопутно-морской войны». Другой его обязанностью было создание аппарата, необходимого для такой войны.

Достижения этой организации описаны в одной из следующих глав. Пока что нам достаточно знать, что инструмент был создан. Какова же была его конкретная цель? Вторжение в Европу с запада! Все остальное, происходившее в годы, начиная от создания управления десантными операциями вплоть до открытия второго фронта, являлось делом второстепенным. Вот какое решение было принято в мрачные дни осени 1940 года.

Теперь, когда цель достигнута, нельзя думать о ней, как о чем-то недостижимом. Однако в 1940 году многие выдающиеся военные и военно-морские специалисты считали такую сухопутно-морскую операцию невозможной. Только знающие лица на самых высоких постах и совершенно не осведомленные на нижних ступенях иерархической лестницы не сомневались в успехе. Те же из нас, которые занимали промежуточное положение, опасались и тревожились до самого дня высадки десанта и даже позже. По признанию многих офицеров, разрабатывавших план вторжения, они все время боялись, что план окажется гигантским блефом (обманом) и мы так и не попытаемся вторгнуться в Западную Европу. Поэтому сомнения широкой публики вполне простительны.

В 1940 году нельзя было точно предсказать день нашего возвращения на Европейский материк, но оценка обстановки, тогда же представленная генеральным штабом совместно с управлением десантными операциями, выявила некоторые ограничивающие факторы, автоматически определявшие характер вторжения независимо от его времени и места.

Первый лимитирующий фактор — судовой тоннаж. Действительно, вопрос о тоннаже являлся важнейшим с самого зарождения предварительного плана вторжения до «дня Д»[1] и после него. Численность сил, которые могли быть высажены и обеспечены снабжением в по-

---

[1] День, намеченный для вторжения англичан и американцев в Европу, был назван «днем Д». (*Прим. ред.*).

следующих операциях зависела от наличия имевшегося тоннажа.

Второй лимитирующий фактор — численность личного состава сухопутных, морских и воздушных сил. Был уже намечен максимум численности вооруженных сил, дальнейшее увеличение которых сверх этого максимума считалось возможным лишь за счет снижения производительности какой-либо отрасли промышленности, необходимой для ведения войны.

Третий лимитирующий фактор — необходимость оснащения достаточно многочисленной армии для успешного вторжения в Европу.

Было решено, что операция должна носить характер вторжения на побережье, сильно обороняемое противником, после короткого перехода морем. Число участвующих в операции людей и размер тоннажа, необходимого для их переброски, были подсчитаны с точностью, достаточной для того, чтобы приступить к планированию. Выбор пункта или пунктов высадки предоставили на усмотрение будущего главнокомандующего армиями вторжения.

Самое вторжение делилось на три четко разграниченные фазы. Первая фаза состояла в достижении побережья, занятого противником, и в закреплении на захваченных плацдармах. Вторая фаза охватывала высадку достаточно крупных сил для отражения сильного контрнаступления, которое противник неизбежно должен был предпринять. Третьей фазой являлась высадка достаточно больших армий для разгрома и уничтожения всех сил, которые противник смог бы выставить против нас.

В настоящей книге описана в основном только первая фаза, потребовавшая продолжительного, кропотливого, сверхтщательного планирования, какого еще, пожалуй, не знала военная история.

Когда решение было принято, вся работа был разделена на четыре сферы ответственности. Во-первых, требовалось создать штаб главнокомандующего для сформирования армий вторжения, обучения их, а когда придет время, для руководства их операциями в Европе. Во-вторых, предстояло решить гигантскую задачу снаб-

жения этих армий всем необходимым. Разработку и осуществление этой части плана взяло на себя непосредственно военное министерство. В-третьих, надо было обеспечить скрытное сосредоточение и размещение войск вторжения в Англии перед их посадкой на суда. Эту задачу выполняли военные округа метрополии. В-четвертых, надо было провести посадку на транспорты, совершить перевозку морем и высадку войск вторжения в намеченных пунктах; эта задача была возложена на управление десантными операциями.

Таков был план, но многое зависело от тех событий, которые могли произойти за годы подготовки. Многие, не поддававшиеся учету, факторы могли окончательно расстроить все дело. Например, если бы Германия решилась атаковать Англию, ход событий стал бы совершенно другим. Можно сказать, что каждому нашему шагу сопутствовали громадные вопросительные знаки; но мы не колебались и плана своего не меняли. Независимо от того, благоприятно или неблагоприятно складывалась обстановка, план развертывался неуклонно.

Людские ресурсы Англии были чрезвычайно напряжены. Нас все время беспокоил вопрос: как создать армию, достаточно большую для успешного штурма «европейской крепости»? Эти наши сомнения были разрешены самой судьбой, которая, повидимому, всегда приходит на помощь Англии в минуту опасности. 7 декабря 1941 года Япония атаковала Пирл-Харбор. На другой день Британия и Соединенные Штаты стали союзниками. Огромные людские ресурсы государства с населением в 120 миллионов полились в нашу маленькую страну.

Прежде всего войска США сменили английские войска в Исландии, затем в Северной Ирландии. Наконец, они развернули свои лагери в Великобритании. Быстрота, с которой они воздвигали свои стандартные бараки, была для нас настоящим откровением. Однако устройство жилья для нескольких сот тысяч американцев было лишь началом нашего союза.

Первые шаги слияния английской и американской армий представляют большой интерес. Две военные системы, имеющие, на первый взгляд, так много общего,

значительно отличались одна от другой в мелочах. Мы очень скоро поняли, что обеим армиям придется пойти на взаимные уступки; каждой приходилось изучать особенности и привычки своего союзника.

Как только мы подошли к деталям, выяснилась огромная разница в организации обеих армий. Две армии, совместно выступающие в поход, нуждаются в координации. Для армий же двух разных государств требуется в этом случае больше, чем простая координация. В первую мировую войну, когда армии разных национальностей сражались бок о бок, было признано наиболее разумным не подчинять войска одной страны армейскому командованию другой. Нередко возникали недоразумения, объяснявшиеся неполным взаимопониманием. Нам же хотелось объединить свои армии так, будто бы они были одной армией. Это явилось смелым решением. проведение которого в жизнь потребовало большой силы воли и находчивости.

Сначала мы, англичане, думали, что покажем американцам, что и как надо делать, а они безропотно и без возражений последуют нашим указаниям. Но эта иллюзия рассеялась, как дым. Соединенные Штаты вошли в дело как равноправный компаньон и притом имеющий собственные идеи! Больше того, оказалось, что в глазах американцев мы не пользуемся большим военным престижем. «Странная война» (с сентября 1939 по май 1940 года) еще не изгладилась из памяти.

По счастью, мы сразу же поняли свое заблуждение. Мы увидели, что американец прежде всего реалист. Очень скоро выяснилось, что американцы не примут ни нашей тактики, ни наших мнений, не проверив их предварительно на деле.

Конечно, такое отношение имело вполне реальные основания. Американцы посылали своих наблюдателей на разные театры и составили о войне собственное, вполне определенное мнение. Они приложили огромные усилия, чтобы оснастить свою армию самой лучшей боевой техникой. Они гордились этой техникой и не хотели расставаться ни с одним предметом снаряжения, пока его непригодность не будет доказана на деле. Но раз она доказана, американцы, не задумываясь ни минуты, бра-

куют устарелый предмет снаряжения. А затем они создают импровизированное средство или даже совершенно новую систему с той скоростью и техническим совершенством, которыми они заслуженно славятся.

Таков был общий фон. На первый взгляд он был не очень многообещающим. Но мы твердо решили добиться определенного взаимопонимания. Дело шло медленно, но гладко. Оно облегчалось подобающей цивилизованным людям вежливостью хозяев и гостей. Англичане потеснились, чтобы американцы чувствовали себя, как дома.

Наши планы для приема американцев, естественно, начались с обеспечения физических потребностей людей. Были разработаны специальные нормы продовольственного снабжения. Жилыми помещениями американцы обеспечивались тоже по особым нормам. Правительство предоставило нам полную свободу в деле снабжения американцев. Мы получили приказ: «Дать им все, что им нужно, если это у нас есть». В большинстве случаев все необходимое находилось.

Следующим шагом была выработка общего военного языка. Американские военные термины сильно отличаются от наших. Некоторые термины могут просто ввести в заблуждение [1].

Был выработан общий словник, своего рода двуязычный военный словарь. Это было нелегким делом, так как ни та, ни другая сторона не шла охотно на замену своих тщательно разработанных терминов «иностранными» словами. И все же такой словник появился. Кроме того, был разработан специальный список воен-

---

[1] Так, например, четырехорудийная батарея называется по-английски «troop», а по-американски «battery». «Battery» англичане называют дивизион, который у американцев называется «artillery battalion». «Squadron» по-английски «эскадрон», по-американски «дивизион». «GI» по-английски означало «начальник штаба дивизии», по-американски — «отдел кадров». «Director» — у англичан «ПУАЗО», у американцев «артиллерийская буссоль». В американской авиации каждый самолет принято называть «кораблем» (ship); в Англии это слово может означать только «морское судно». Непонимание англичанами слова «ship» в смысле «самолет» однажды чуть не привело к роковым последствиям. — *Прим. перев.*

ных сокращений, обязательный для обеих армий, чтобы каждая из них могла понимать приказы и директивы другой. Можно подумать, что это мелочи. Но в жизни армий подобные мелочи необходимы, как воздух. Без такой унификации взаимопонимание армий двух государств было бы невозможно.

Для обеспечения взаимодействия были учреждены также курсы совместной подготовки английских и американских офицеров и принята система прикомандирования американцев к английским воинским частям и наоборот.

Разрешив эти общие вопросы, мы приступили к изучению подробностей. Каким образом рационализировать боевую технику, чтобы иметь возможно меньше образцов оружия и добиться их максимальной взаимозаменяемости? В этом направлении были достигнуты значительные успехи. Однако ограниченность времени и производственных возможностей, да еще слишком ревнивое отношение бойцов обеих стран к собственному оружию не позволили нам провести полную унификацию.

Роль Америки в боевом оснащении английской армии была громадной. Достаточно вспомнить о танках «Шерман», вездесущих «Виллисах», водоплавающих машинах и самоходных орудиях. Что же касается американцев, то им, кажется, больше всего понравились наши подвижные полевые хлебопекарни. Один американский полковник как-то сказал мне: «Ваши подвижные хлебопекарни настолько лучше наших, что это даже не смешно».

По мере того как на английской земле вырастали американские городки, темп подготовки ускорялся. Все понимали, что нужно спешить...

Сцена была очищена, роли распределены.

ГЛАВА II

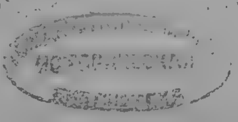
Подготовка сцены

УГРОЗА ВТОРЖЕНИЯ В АНГЛИЮ

Посмотрим, что же представлял собою тогда этот «трамплин» для вторжения, каким была Англия. В то время как в глубине канцелярий неизвестные люди разрабатывали эскизный план огромной операции, страна занимала оборону. На военном языке это называлось «положением под угрозой вторжения противника». Только в 1943 году было официально объявлено, что угроза миновала.

В период угрозы вторжения неприятеля первой задачей полевых войск, находившихся в Англии, была оборона нашего побережья. Наряду с регулярными полевыми войсками мы имели «добровольцев местной обороны», переименованных затем в «гвардию местной обороны» (Home Guard). История не забудет, как эти отряды патриотов готовились оборонять наши города и села, имея на вооружении едва ли не только одно свое мужество. В настоящее время лишь быстро исчезающие дорожные баррикады, покосившиеся пилоны, да заржавевшие проволочные спирали кое-где напоминают о неустанном, тяжелом, неблагодарном труде, который опоясал наш остров тонкой линией оборонительных сооружений. В течение почти двух лет кадровые солдаты и добровольцы трудились над превращением страны в гигантские казармы, арсенал и крепость одновременно. Американцы называли Англию «непотопляемым авианосцем».

Теперь от гвардии и добровольцев местной обороны осталось одно воспоминание. На первый взгляд можно подумать, что вся их подготовка и энергия пропали даром. Вероятно, они сами того же мнения. Но сказать

так было бы величайшей несправедливостью. Трудно представить себе, как мы смогли бы предпринять вторжение в Европу без гвардии местной обороны. Постараюсь объяснить, в чем тут дело, хоть оно и простое, но не самоочевидное.

Я уже сказал, что в 1940—1941 годах первейшей задачей полевых войск была оборона страны в случае вторжения противника. Какого же вторжения мы ожидали и как расположили войска?

Мы предполагали, что вторжение немцев будет развиваться следующим образом. Прежде всего неприятель, несомненно, предпринял бы мощные воздушные налеты (как это и случилось во время «битвы за Британию») [1]. Добившись господства в воздухе, немцы, как предполагалось, выбросят крупные воздушные десанты для захвата важных узлов коммуникаций в тылу тех участков побережья, где было намечено высадить основную массу сухопутных войск. По нашим расчетам, этот район побережья находился где-то между заливом Уош и Саутгэмптоном. Высадки последовали бы, вероятно, к северу и к югу от Лондона, чтобы отрезать столицу от остальной страны.

Такими были наши рассуждения. Как же предполагалось отражать эти атаки? Во-первых, мы сосредоточили большую часть подвижных войск в Восточной Англии: в графствах Кент, Сассекс и Саррей. Те бронетанковые части, которыми мы тогда располагали, были дислоцированы дальше, в глубине страны.

План обороны, основанный на этой дислокации, имел в общих чертах следующий вид. Войска, расположенные на побережье, должны были сражаться до последнего человека и последнего патрона, не помышляя об отступлении. Гвардия местной обороны, усиленная на некоторых важнейших коммуникациях кадровыми частями, принимала на себя главный удар вражеских сил, которым удалось бы преодолеть приморскую оборону. Эта вторая оборонительная линия была занята почти исключительно частями гвардии местной обороны, так как кадровые части должны были оставаться в резерве для

---

[1] Осенью 1940 года. — *Прим. ред.*

контратаки, которую мы предприняли бы в свое время и на соответствующем участке. В каждом районе намечалась «линия остановки» — рубеж, дальше которого нельзя было отходить. На этом рубеже надлежало выстоять или погибнуть.

Боевыми позициями гвардейцев местной обороны явились их родные города и села. Их главной задачей было — не пропустить врага, задержать его продвижение, заставить его остановиться и принять бой или же двигаться по менее удобным дорогам и проселкам. Мы знаем, что гвардейцам местной обороны не пришлось занимать боевых позиций, но своим присутствием они дали возможность соединениям полевой армии жить и проходить боевую подготовку в одном районе и таким образом подготовиться к вторжению. Без этого дивизиям пришлось бы разбиться на небольшие группы и расквартироваться чуть ли не по половине городов и сел Англии; их боевая подготовка проходила бы в крайне трудных условиях.

Итак, наша страна в долгу перед гвардией местной обороны. Может быть, это признание хоть несколько вознаградит ее за долгие, холодные часы караульной службы или обучения, и они покажутся ей менее нудными и более осмысленными. Я надеюсь, что это будет так, поскольку гвардия местной обороны была существенной составной частью нашей военной машины, даже более существенной, чем подозревали сами гвардейцы.

Я не прошу извинения за это отступление, так как оно дополняет ту картину, которую мы сейчас рисуем. Я сказал, что основной задачей полевых войск была оборона побережья Англии. Но мы ни на минуту не забывали о будущем. Приходилось обучать войска, чтобы подготовить их к нашему собственному вторжению. Чтобы осознать сложность этой задачи, выполненной нашими войсками, в рядах которых непрерывно возрастало число канадцев, необходимо познакомиться с кратким обзором событий, имевших место в этот период.

На схеме I показана организация армии метрополии в 1941—1942 годах. Она оставалась неизменной до недавнего времени, когда, после вторжения в Европу,

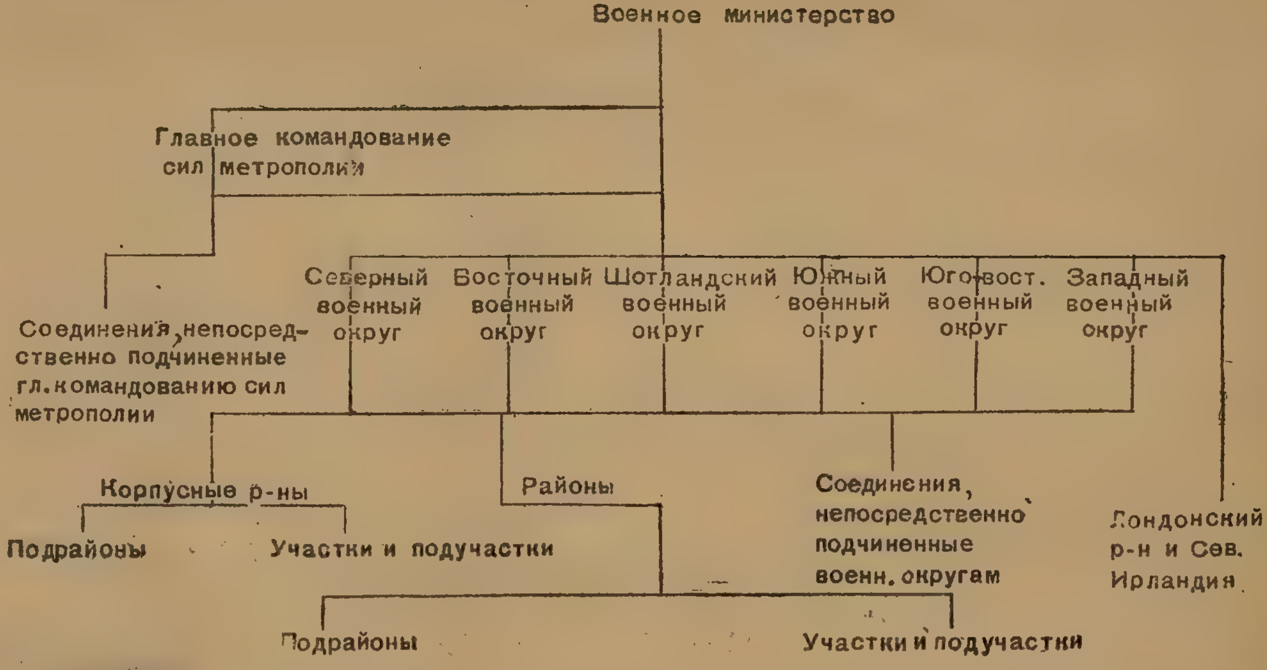

Схема 1. Военная организация Великобритании в 1941—1942 гг.

Примечание автора. Эта схема не является исчерпывающей, но должна дать общее представление о военной организации Великобритании. Каждый военный округ имел свою особую структуру, но иерархическая лестница, изображенная на схеме, была одинаковой для всех округов, Лондонский район и районы Северной Ирландии не входили в состав военных округов. а подчинялись непосредственно военному министерству.

созданный уже во время войны юго-восточный военный округ был расформирован и слился с восточным военным округом, из которого он был первоначально выделен.

Из этой схемы видно, как цепь командных инстанций, беря свое начало в военном министерстве, переходит в военные округа, корпусные округа или районы и доходит до участков, подрайонов и подучастков. Несколько в стороне можно заметить главное командование сил метрополии, о котором мне придется еще много говорить.

Сейчас я хочу дать вам общую картину военной организации Англии в те годы.

Организация военного министерства объяснений не требует. Но о военных округах метрополии придется рассказать довольно подробно. Как в мирное, так и в военное время Англия делится на военные округа. Каждый округ представляет собою определенный географический район Великобритании и Северной Ирландии. Он возглавляется командующим войсками округа (по-английски — главнокомандующим), обычно в чине полного генерала или генерал-лейтенанта. Его зачастую называют также командующим армией. Один из округов — юго-восточный — одно время даже назывался юго-восточной армией.

Командующий армией командует и ведает всеми войсками своего округа. Он несет также ответственность за оборону его территории. Он должен обеспечивать продовольствием, жильем, вооружением, боеприпасами и всем необходимым войска, находящиеся под его командованием, а также некоторые другие войска, хотя и расположенные на территории округа, но подчиненные непосредственно военному министерству или командованию силами метрополии.

Каждый округ делится на несколько районов. Командиру района (обычно генерал-майору) подчинено несколько подрайонов, участков, подучастков и гарнизонов. Все вместе представляет собой естественную иерархическую лестницу,—вернее, представляло собой. Описанная организация основывалась на многолетнем опыте, но она не предусматривала одного обстоятельства, а имен-

но: расквартирования в пределах военных округов большого количества войск полевой (действующей) армии.

Вполне понятно, что после Дюнкерка, как только в южной части Англии были расквартированы дивизии и корпуса действующей армии, немедленно стала сказываться ненормальность создавшегося положения. Главная трудность заключалась в оперативном управлении. Возьмем для примера Кентский район юго-восточного военного округа. Районом командовал генерал-майор. На него была возложена оборона этого района. Однако здесь были расквартированы два корпуса действующей армии под командованием генерал-лейтенантов; на каждый корпус была возложена определенная оперативная задача. Это приводило к немалым осложнениям. По всем правилам районом командовал прежний начальник. Но он был ниже чином обоих командиров корпусов, да и по своей квалификации, вероятно, не смог бы командовать корпусом в бою.

Наблюдались и другие ненормальности, но эта была самой главной. Она требовала решения, а существовавшая тогда организационная военная структура такого решения не давала. Поэтому была создана комиссия под председательством одного из военных администраторов английской армии, генерала сэра Хамфри Гейл. Совершив молниеносную поездку по военным округам метрополии, генерал Гейл уяснил себе задачу и предложил решение, которое практически вполне оправдалось.

Решение заключалось в том, чтобы ввести соединения действующей армии в рамки нормальной территориальной организации. Следовательно, командиры полевых соединений должны были взять на себя ответственность за административно-хозяйственное обеспечение местных территориальных частей и учреждений, хотя это нормально не входило в их функции. С другой стороны, на командующих округами была возложена труднейшая обязанность командовать десятками тысяч полевых войск.

В основу реорганизации был положен корпусной район, который явился комбинацией прежнего географического района и полевого корпуса. Если корпус действующей армии был расквартирован, положим, в Кентском

районе, то район переименовывался в 12-й корпусный район, а командир корпуса становился командиром района. Он принимал командование над всеми войсками, расположенными в районе, независимо от того, входили они в состав его полевого корпуса или нет. Ему подчинялись артиллерийские и продовольственные склады, госпитали и десятки других военных учреждений, которые мы называем местными. Он ведал обучением всех отрядов гвардии местной обороны в своем районе, должен был поддерживать связь с гражданскими властями и организациями.

Все эти новые административные обязанности легли тяжелым грузом на аппарат штаба корпуса. Не забудем, что корпус действующей армии насчитывает до 60 000 человек, состоит из трех дивизий и корпусных частей и организован для боевых действий. В его структуре нет ничего, что могло бы превратиться в стационарный административно-хозяйственный аппарат. И все же это превращение совершилось. На случай отправки корпуса на театр военных действий нормальный штаб корпуса был усилен личным составом небольшого местного штаба. В случае выступления корпуса этот штаб должен был остаться на месте и обеспечивать непрерывность административной работы.

В общем эта форма объединенного административно-хозяйственного и оперативного руководства, возложенного на командование полевых войск, оказалась чрезвычайно удачной. Величайшая ее выгода заключалась, вероятно, в том, что командиры корпусов и командующие армиями воочию убедились в жизненном значении работы тыла для полевой армии.

В бою оперативная сторона всегда как-то оставляет в тени работу тыла. Это естественно, так как боевые действия протекают как бы публично и у всех на глазах, тогда как работа тыла считается нормальной рутиной, пока дело не принимает дурного оборота. Когда войска введены в бой, командир корпуса посвящает все свое время и энергию оперативным вопросам, а его знакомство с работой тыла обычно ограничивается тем, что он предъявляет свои требования работникам штаба тыла и рассчитывает на удовлетворение этих требований.

Если такие взгляды командира корпуса английской армии в первые годы войны покажутся вам слишком схематичными и односторонними, вспомните о том удивлении, которое вызвало опубликование сведений о работе органов тыла во время быстро развивавшихся операций в пустыне в 1941 и 1942 годах.

В первую мировую войну и в начале второй значение работы тыла никогда особо не подчеркивалось. Она считалась чем-то само собой разумеющимся. В мирное время и в начале войны в программе Академии генерального штаба вопросам тыла уделялось всего несколько часов. За последнее время изучению тылового аппарата посвящена одна треть всей программы. Это достаточно показательно.

В настоящее время значение тыла получило большее признание, чем когда бы то ни было. Мы считаем, что темп операции обусловлен гибкостью и быстротой работы тылового аппарата, обслуживающего бойцов. Оперативная сторона войны со всеми ее сложными тактическими действиями сведена к таким чисто реальным элементам, как живая сила, материальное обеспечение, моральное состояние, огневая мощь, сосредоточение превосходящих сил и т. д. Теперь командиры знают, что если ввести в бой в точке X некие определенные силы, результатом будет поддающаяся расчету величина, большая или меньшая в зависимости от дееспособности и производительности тылового аппарата.

Трудно представить себе, что томительные, казалось бесцельные, дни 1940 и 1941 годов помогли нам выявить военные таланты. Однако почти все командиры корпусных районов того времени отличились впоследствии на полях сражений.

В списке наших достижений одно из первых мест занимает создание и развитие школ боевой подготовки. Школа боевой подготовки была изобретена генералом Ф. Андерсоном, бывшим в то время командующим войсками восточного военного округа. Впоследствии генерал Андерсон командовал английской 1-й армией, отличившейся в Северо-Африканской кампании в 1942 году.

Все помнят, какой шум поднялся, когда военные власти распорядились эвакуировать гражданское население

из большого района Восточной Англии. Многие просто пожимали плечами, полагая, что в этом районе ожидается высадка немецких десантов! Другие вели себя не так сдержанно; протесты против действий военных властей раздавались в советах некоторых графств, газетах и даже в Палате общин. Один из протестантов заявил, что это пример «возмутительного бюрократизма».

На самом деле район был нужен для первой школы боевой подготовки генерала Андерсона. В этом районе было намечено создать условия обучения, приближенные к реальной боевой обстановке. По обучающимся велся огонь боевыми патронами, конечно, не для того, чтобы поражать их, хотя изредка и бывали несчастные случаи. По когда-то мирным поселкам пристреливалась и вела сосредоточенный огонь артиллерия. Пехотинцы совершали подвиги ловкости и выносливости, на которые до сих пор не считали себя способными. Бывшие жительницы этой части Англии не сознавали, что принесенные ими жертвы впоследствии спасут жизнь тысячам их сыновей и мужей.

Теперь в районах школ боевой подготовки царит тишина, нарушаемая случайными выстрелами из охотничьих дробовых ружей. Тишина воцарилась в тех местах, где англичане, шотландцы, уэльсцы и ирландцы бегали и прыгали, проползали и продирались через бесконечные ряды проволочных заграждений, взбирались на стенки вышиной в 12 футов и спускались с них, переправлялись на двух веревках через овраги, проникали через водные преграды глубиной в 5 футов под треск пулеметов и взрывы мин.

Много школ боевой подготовки было открыто и в других частях Великобритании. Горы и озера Шотландии и холмы Уэльса соперничали между собой в изобретении новых «пыток» для измученных людей в хаки. Все эти школы способствовали тому, что английские войска вторжения были отправлены за море натренированными.

Как только американцы убедились в ценности этих школ, они не замедлили последовать нашему примеру. Вы помните, что из одной части Западной Англии население было тоже эвакуировано. А за Атлантическим океаном

школы боевой подготовки открывались одна за другой, и американские армии обучались, не покидая своей родины.

Для командующих армиями, как и для командиров корпусов, время ожидания было периодом усиленной тренировки, во многих отношениях очень поучительной.

Мы подходим теперь к самому малоизвестному органу командования в Великобритании — к командованию силами метрополии. Оно было создано для управления армией метрополии в случае, если бы война перекинулась на территорию Англии. Можно задать вопрос: почему этими операциями не могло бы руководить военное министерство? Дело в том, что министерство является по существу административным, а не оперативным органом. Хотя все оперативные планы первоначально намечаются в отделах военного министерства, однако оно не располагает органами для ведения операций. Чтобы восполнить этот пробел, было создано главное командование силами метрополии.

Теоретически главное командование силами метрополии должно было приступить к исполнению своих функций лишь непосредственно перед началом операций. Сигналом к этому служил условный приказ «Приготовиться» или «По местам». Таким образом, по первоначальному замыслу это командование оставалось более или менее «подпольным» органом, пока обстоятельства не требовали от него оперативного руководства. Однако постепенно оно стало пользоваться гораздо большей властью, чем было намечено первоначально. Вскоре отсюда стало осуществляться руководство обучением полевых войск, большими маневрами, развитием тактики и вооружения. Командование стало органом испытания новых идей и новой боевой техники.

В 1942 году по всей Великобритании проходили маневры все увеличивавшегося масштаба. В конце концов с обеих сторон действовали целые армии, а район маневров одно время охватывал половину Англии и Шотландии. Эти маневры были прелюдией к боевым действиям; успехом их мы обязаны неутомимой энергии генерала Педжет. Многие командиры были смещены, как неспособные, так как оказались не на высоте требований во время маневров. Каждые маневры сопровождались воркотней

по поводу «новой выдачи котелков»[1], как в английской армии называют увольнение в отставку за невозможностью дальнейшего использования.

1941 год. Маневры под названием «Буфер». Они проводились для проверки наших оборонительных мероприятий на случай вторжения немецких войск. Дополнительной целью было — проверить приемы развертывания бронетанковых войск. Самым ярким эпизодом этих маневров, несомненно, явилось стремительное продвижение одного из канадских бронетанковых соединений в северном направлении из Саррея в Беркшир. Другим ярким эпизодом был рейд «немецкого» бронеавтомобиля, который после «высадки» в Гарвиче через два дня прибыл в Торки, прорвавшись за эти двое суток через все английские оборонительные позиции. Мы получили также ценные уроки в области снабжения бронетанковых соединений на театре военных действий.

1942 год. В этом году большие маневры пришлось сократить ввиду нехватки горючего и резины[2]. То обстоятельство, что дефицит этих материалов отозвался на подготовке крупных соединений армии, показывает, какую серьезную угрозу нашему существованию представляла подводная война. Оно показывает также печальные последствия японских завоеваний на Дальнем Востоке.

1943 год. Маневры под названием «Спартанец». В основу плана было заложено предположение, что британская 1-я армия успешно высадилась на Европейском материке, а британская 2-я армия получила задачу вести маневренные операции против сильной германской группы армий (заметьте изменение характера замысла: уже не оборона, а наступление). С точки зрения маневренных операций эти учения были не особенно удачными. Так, командующий «немецкими» войсками (генерал Гэммел) прибегнул к таким обширным разрушениям и минированию, что соприкосновение сил обеих сторон фактически не было установлено. Английская армия под командованием генерала Мак Нотона приложила все

---

[1] Котелок — гражданский головной убор. — *Прим. перев.*

[2] Автор допускает противоречие. См. его заявление на стр. 26 последний абзац. — *Прим. ред.*

усилия, чтобы прорваться через полосу «немецких» заграждений, но успеха не имела. Строгой критике подверглась также оценка англичанами «танковой обстановки». Генерал Гэммел создал шедевр маскировки, выставив на западном фланге фронта целое бронетанковое соединение, состоявшее из макетов. Англичане обнаружили его и, приняв его за настоящее, соответственно этому нацелили удары своих бронесил. Сейчас можно только гадать о том, каковы были бы последствия такого неправильного представления о группировке противника в действительной боевой обстановке. Вероятно, они были бы гибельными для наших войск. Опять «полетели головы». Это были последние чисто сухопутные маневры.

1944 год. Маневры носили характер десантных операций. Учения менее крупного масштаба завершились проведенными в Уэльсе маневрами, целью которых было проверить выработанные нами приемы высадки десантов и развертывания тыловых учреждений на неприятельской территории. Эти маневры прошли с большим успехом. Мы познакомились с техническими средствами, которые до сих пор еще не испытывались. Чудом современной техники были разборные бензохранилища и холодильники.

Картина подготовки наших войск вторжения дана здесь лишь в самых общих чертах и отнюдь не является исчерпывающей. Мы не упомянули о планомерно организованных, последовательных учениях взводов в составе рот, рот в составе батальонов, батальонов в составе бригад, бригад в составе дивизий, дивизий в составе корпусов, корпусов в составе армий. Каждые большие маневры были только завершением многомесячной интенсивной подготовки соединений, частей и подразделений.

Я вовсе не хочу, чтобы мои слова создали ложное впечатление, будто все шло гладко. Словами нельзя описать все пути развития сложной военной организации, существовавшей в те дни в Англии. Иногда приходилось спешно отправлять некоторые войсковые соединения за границу, как, например, была переброшена на Средний Восток 1-я танковая дивизия. Генерал Педжет вынужден был обратиться к высшим властям с предупреждением, в котором он указывал на ослабление обо-

роны Англии. Он добавил: если отправка частей за границу будет продолжаться, нельзя гарантировать безопасность страны. Не раз в системе нашей обороны возникали огромные дыры, которые приходилось спешно затыкать. Каждый такой случай означал потерю драгоценного времени для обучения.

Немалые трудности представлял жизненно важный вопрос об оснащении войск боевой техникой. В военное министерство со всех концов света сыпались требования на гораздо большие количества оружия и снаряжения, чем те, которыми мы располагали. Заявки, представляемые силами метрополии, удовлетворялись чуть ли не в последнюю очередь, после требований таких театров, как Средний Восток, Бирма, Австралия, Индия, а также других, которым враг еще непосредственно не угрожал, но которые тем не менее испытывали настоятельную нужду в вооружении. Обучение войск требовало оружия и снаряжения, а их нехватало. Штабные офицеры и командиры частей не спали ночами, стараясь справедливо распределить имевшуюся налицо боевую технику. Приходилось прибегать к различным импровизациям.

Таковы были некоторые из основных проблем, а на каждую крупную приходилась тысяча мелких; остальные слишком незначительны, чтобы заслуживать упоминания, однако в свое время и они были достаточно реальными и важными.

Мы заканчиваем нашу молниеносную поездку по приготовившейся к обороне Англии. Мы видели актеров, собравшихся за опущенным занавесом... Сцена готова.

Глава III

За кулисами

ПОДГОТОВКА ВОЙСК К ОПЕРАЦИЯМ ВНЕ МЕТРОПОЛИИ

В этой главе мы рассмотрим обязанности военного министерства по переброске через Английский канал (Ла-Манш) мощной группы армий вторжения. Определить границы ответственности министерства довольно трудно, так как из каждого общего правила было много исключений. Однако все же можно разбить всю операцию на три периода, в каждом из которых на военное министерство были возложены определенные задачи.

Первый период охватывал подготовку войск к переброске за море. Это означало укомплектование английских и союзных войск (кроме американских) людьми, оснащение их оружием, машинами и прочими видами боевой техники. Во втором периоде происходила переброска войск и техники через море для высадки их на побережье, занятое противником. Третий период, который еще не закончился [1], обнимал снабжение войск, закрепившихся во Франции.

Легко видеть, что эти фазы резко не разграничены, а отчасти перекрываются. Так, например, оснащение войск новым оружием для первых атак перешло в пополнение их этим оружием, продолжающееся и поныне. Отправка имущества одновременно с высадкой войск была лишь началом не прекращающегося и сейчас подвоза запасов.

Вкратце обязанности военного министерства можно определить следующим образом. В первый период оно должно было сформировать все английские и союзные войсковые части (кроме американских) и оснастить их достаточным количеством оружия и имущества, чтобы

[1] Книга появилась в начале 1945 года. — *Прим. ред.*

они могли выполнить свои задачи. Во второй период военное министерство (совместно с военно-морским флотом) отвечало за осуществление плана переброски войск морем. В то же время ему надлежало организовать подвоз запасов для снабжения войск после начала операций. В третий период военное министерство выполняло свои нормальные функции по снабжению полевых войск всем необходимым. Когда мы справились со своеобразной лихорадкой, связанной с открытием второго фронта, дело снова вошло в нормальную колею.

Параллельно с военным министерством действовало командование армии США Европейского театра операций. Этот орган был ответственен за организацию американских армий, участвовавших во вторжении, и был на деле маленьким Вашингтоном, пересаженным в Лондон.

Я не собираюсь углубляться в подробное рассмотрение второго и третьего периодов, которые выходят за пределы настоящей книги. Нас сейчас интересует первая фаза — первоначальная подготовка сил вторжения. Это увлекательная повесть о преодолении головоломных трудностей, какие редко видели серые стены военного министерства. Пока еще эту повесть нельзя рассказать полностью. Можно только дать представление о всей сложности проблемы и о тех способах, которыми были разрешены отдельные задачи.

Первым врагом всякого планирования является тайна. Никогда еще это не было так очевидно, как при планировании второго фронта, и нигде это не ощущалось так сильно, как в военном министерстве.

Серьезное планирование второго фронта началось в первые месяцы 1942 года. Чтобы представить себе все в должной перспективе, мы должны взглянуть на то, что происходило тогда на театрах мировой войны. Что же мы видим? В Азии и на Тихом океане японцы одерживали победу за победой. Немцы прокладывали себе путь через Африку. Мощные американские армии еще не начали прибывать в Англию.

Единственным напоминанием о втором фронте было создание штаба, который должен был впоследствии стать штабом 21-й группы армий. Этот штаб имел но-

мер, какой присваивается всем специальным войскам, формируемым для выполнения особых задач. Он находился в Шотландии, был очень невелик, и его образование прошло почти незамеченным.

Это было не слишком многообещающим вступлением к величайшей десантной операции! Однако необходимо было немедленно приступать к ее планированию. Время и место открытия второго фронта держались в строгой тайне. Штабным офицерам, на которых была возложена задача оснащения войск, сообщались только сведения, необходимые для выполнения их непосредственных задач. Относительно того, что надо считать достаточной информацией, мнения старших офицеров, которые дают эту информацию, и младших, которым приходится действовать на ее основании, всегда сильно расходятся. Как часто приходилось до головной боли задумываться над простыми словами, которыми помечаются все совершенно секретные сведения: «Получатель настоящего документа вправе сообщать своим подчиненным только те сведения, которые необходимы им для выполнения их задач». По счастью, люди бывают разные, и путем тесной связи со своими сотрудниками обычно удавалось составить себе довольно полное представление о деле по отдельным глубокомысленным словам, оброненным различными нашими начальниками.

В то время я работал в военном министерстве. Двое из моих ближайших друзей получили назначения в штаб второго фронта, и поэтому я больше, чем мои коллеги, смог оценить его будущее значение. Небольшая группа офицеров этого штаба, занимавшаяся планированием, нашла себе верных соратников в управлении десантными операциями и в штабе сил метрополии. Эти организации целыми пачками начали посылать своих офицеров в военное министерство, добиваясь от нас тех или иных сведений, иногда с успехом.

Весной 1942 года помощник начальника генерального штаба, ведавший вопросами снабжения боевой техникой, посетил США и вернулся с рядом новинок, вызвавших в военном министерстве целую сенсацию. Он закончил переговоры о поставке нам водоплавающих машин («амфибий»), самоходных орудий на тан-

ковых шасси и других видов вооружения. Количество их было так велико, что мы буквально вытаращили глаза. Наши отзывы на предложения американцев были составлены в осторожных выражениях, так как мы не надеялись на получение заказов в обещанном количестве.

В оправдание наших сомнений можно сказать, что мы слишком долго испытывали недостаток во всем, нам долго не удавалось сводить концы с концами. Мне навсегда запомнились слова, сказанные начальником Академии генерального штаба в его вступительной беседе с нами: «На войне никогда ничего не бывает достаточно, кроме забот; все время приходится импровизировать. Никогда не забывайте об этом». В 1942 году я был совершенно согласен с ним. Почти все нужное было дефицитным и вносилось в список так называемого «имущества, контролируемого военным министерством». В ходе войны этот список непрерывно расширялся. Внесенные в него предметы довольствия отпускались только по непосредственному распоряжению военного министерства.

Какие же предметы были дефицитными? Оружие всех видов, многие типы боеприпасов, танки, грузовики, автомобили, оптические приборы, компасы, бинокли, радиоустановки и сотни других существенно важных вещей.

Часто можно слышать разговоры, будто военное министерство — это какой-то всемогущий бог, который одним росчерком пера получает полностью все, что требует. Такое представление до неузнаваемости искажает действительность. В Уайтхолле[1] нет никакой лампы Алладина.

Вот истинное положение вещей. Военное министерство является лишь одним из многих потребителей. В самом начале войны его право производить закупки и заключать подряды было передано различным гражданским министерствам, как, например, снабжения, продовольствия.

---

[1] Здание, в котором помещается английское военное министерство. — *Прим. перев.*

Предположим, что военному министерству нужна автомашина нового типа. Посмотрим, каким образом оно ее в конце концов получит.

Прежде всего генеральный штаб разрабатывает спецификацию, в которой указаны его требования к этой автомашине: она должна развивать такую-то скорость, обладать такой-то минимальной проходимостью по местности, поднимать такой-то груз, вмещать столько-то пассажиров, быть приспособленной для перевозки таких-то предметов.

Технический отдел военного министерства изготовляет чертеж новой машины, и проект передается на рассмотрение министерства снабжения с указанием, сколько таких машин требуется и к какому сроку.

Затем следуют совещания. Министерство снабжения может заявить: поскольку машина довольно похожа на уже находящуюся в производстве, нельзя ли изменить проект так, чтобы приспособить его в общих чертах к существующему типу? Это позволит сэкономить шесть месяцев, так как переоборудование конвейера для производства новой машины займет именно такой срок вследствие необходимости менять все монтажные приспособления и станки.

Когда соглашение достигнуто, министерство снабжения представляет макет (модель, дающую представление о том, каким будет готовое изделие). После одобрения макета изготовляется прототип, который подвергают всесторонним испытаниям, чтобы убедиться, соответствует ли он спецификации. После удовлетворительного завершения испытаний можно приступать к производству. Все это требует времени — вероятно, года или больше, даже при благоприятных условиях. Но если все конвейеры загружены и темпы войны таковы, что проект оказывается устаревшим, прежде чем его пустят в производство, задержка легко может составить два года.

Мы привели в пример машину, конструируемую специально для армии. Посмотрим теперь, как обстояло дело с машиной общего пользования, например, со стандартным трехтонным грузовиком. Он производился одновременно в Англии, в США и в Канаде. Сведения о количестве готовых грузовиков ежемесячно представ-

лялись лондонскому комитету по распределению военных материалов. В состав этого комитета входили представители всех доминионов, США, английской армии, военно-морского флота, военно-воздушных сил и служб национальной обороны. Заявки всегда превышали наличность, и приходилось прибегать к системе очередности. Военное министерство могло представить заявку на 10 000 машин, а получить только 1000.

Помимо этого стеснения свободы действий, существовали другие ограничения. Нехватало резины. В 1942 году военное министерство получило по разверстке 10 000 тонн резины. Это количество было израсходовано за девять месяцев, и пришлось просить дополнительного отпуска. Угроза нехватки резины заставила обратить внимание на усовершенствование полугусеничных и гусеничных машин. Создание этих конструкций не всегда объяснялось стремлением улучшить проходимость машин; иногда оно вызывалось необходимостью экономить запасы резины.

Тот же недостаток побудил многих выдающихся техников к экспериментам над пружинными колесами, металлическими колесами с пружинящими спицами и шинами, которые поглощали бы дорожные толчки наподобие резиновых шин. Производились также опыты над кожаными траками.

Незадолго до того, как обнаружилась нехватка резины, мы сконструировали не боящуюся проколов пневматическую шину, на которой даже в случае прокола машина могла без вреда для колеса пройти 50—70 миль. Это явилось отличным дополнением к нашей боевой технике. Благодаря ему было вывезено много ценных машин, которые иначе пришлось бы бросить. Однако в 1942 году пришлось строго ограничить пользование этими машинами, так как производство их требовало на 75% больше резины по сравнению с обыкновенными машинами того же размера.

Все эти эксперименты и импровизации серьезно затрудняли нашу работу. На них уходило драгоценное время и материалы, они отвлекали первоклассных специалистов от их нормального исследовательского труда. Первая военная заповедь запрещает растрачивать энер-

тию на побочные задачи; и все же здесь, в высшем военном органе, приходилось ежедневно наблюдать такую растрату, сознавая свое бессилие помешать ей.

Вот в каких условиях работало военное министерство. Эти факты необходимо знать, чтобы составить себе правильную картину.

Мы уже видели, что на военном министерстве лежит обязанность оснащать и снабжать нашу действующую армию. Обеспечение армий второго фронта одним только нормальным оружием и снаряжением было задачей, способной смутить любую организацию. Ведь лица, разрабатывавшие планы, рассчитанные на продолжительный срок, понимали, что боевая техника, которой армия располагала в 1942 году, окажется уже непригодной к тому времени, когда начнется вторжение, и наверняка потребует почти полной замены. А кроме нормального оснащения, особенности намеченной десантной операции требовали специальных видов боевой техники, еще не существовавших и во многих случаях даже еще не спроектированных. Например, потребовалось изготовить подъемные диски для выгрузки машин с десантных транспортов на баржи или прямо на стенку. Были испытаны различные способы подъема и спуска машин. Выявилось наилучшее решение — смонтировать эти диски на ступицах колес и закладывать за них подъемные стропы. По приблизительному подсчету, такие диски требовались для 100 000 автомашин.

Начались затруднения. Какие же машины будут использованы для вторжения? Каждая марка машин требовала специального диска, который подходил бы к конструкции ее колес. Какие машины будут выпускаться в 1944 году, когда по плану должно было произойти вторжение (заметим, что в то время мы еще не знали этой даты).?

Было предложено сделать подъемные диски стандартной деталью оборудования для всех машин полевых войск. Это грозило нам необходимостью изготовления более одного миллиона дисков. В конце концов мы послушались иного совета и, договорившись в принципе, отложили сдачу заказов на более позднее время.

Одной из первых проблем, вероятно, важнейшей из всех и занимавшей нас до самого «дня Д», явилась герметизация машин. Герметизация была необходима, чтобы автомашины и танки могли вброд переходить с десантных барж на берег, иногда при довольно значительной глубине воды, и затем выполнять свои нормальные задачи на суше. Сперва возникло требование герметизировать машины для движения в воде глубиною в 18 дюймов. Но прежде чем это было полностью достигнуто, задание повысили до 3 футов, а затем и до 4 футов 6 дюймов. Каждое требование влекло за собой массу дополнительных задач, так как под водой оказывались все новые и новые части машины.

Дело осложнялось еще следующим: надо было добиваться возможности быстрого удаления всякой гермебизации, чтобы использовать машину на суше в нормальных условиях немедленно после выгрузки. Это потребовало большой изобретательности. Конечно, когда машины находились под водой, были закупорены некоторые сапуны в моторных и тормозных агрегатах и других частях машин. Если сапуны оставались закупоренными на много минут, мотор перегревался и глох.

Задача была не из легких. За ее разрешение с большой энергией взялись в Эпдоре и на Шотландских озерах. Сказался недостаток в водонепроницаемых материалах. Были случаи, когда герметизирующие материалы приходилось спешно перебрасывать ночью на автомашинах со склада, расположенного внутри страны, в Эпдор, чтобы там на следующий день успели провести испытания.

Герметизация была «трудным ребенком» до самого последнего дня. Она причинила немало хлопот, и на плане вторжения во многих отношениях сказывался ограниченный радиус действия герметизированных машин. Незадолго до «дня Д» герметизация заставила очистить несколько лагерей для войск вторжения, хотя на них было уже затрачено много денег и труда. Эти лагери находились на таком расстоянии от портов погрузки, которое несколько превышало допустимый радиус действий герметизированных машин.

Специалисты, которым было поручено разработать практическую систему герметизации, чувствовали громадную ответственность. Герметизация была важнейшим из отдельных факторов, от которых зависели успех или неудача первых десантов. Успех высадки доказал, что специалисты справились с задачей, но сколько забот они нам доставили!

Я хорошо помню панику, возникшую у нас за несколько дней до «дня Д». Мы присутствовали при пробной погрузке. Шла погрузка танков на десантные баржи — по шести машин на баржу. Шестой танк, въезжавший на одну из барж, вдруг остановился на погрузочной аппарели. Ничем нельзя было заставить его стронуться с места; мотор окончательно заглох.

Причиной задержки была как будто герметизация, но способ ее был одинаковым для всех танков, и эта задержка казалась совершенно необъяснимой. Наконец, после тщательного расследования причину задержки установили. Она явилась для нас полнейшей неожиданностью. Дело в том, что все шесть танков прошли до погрузочной полосы одинаковое расстояние, которое было меньше предельно допустимого в условиях герметизации. Один за другим пять танков своим ходом вползли в трюм баржи. Шестой же мотор заглох. Почему? Да потому, что его мотор работал все время, пока грузились первые пять, и срок, на который была рассчитана герметизация, истек!

Вы скажете, что это просто. Но нужно учесть волнение, неизбежное перед отправкой в такое рискованное предприятие. В этой обстановке водитель танка, ожидая погрузки, забыл, что он уже просрочил допустимое время работы мотора. Представьте себе теперь, что такая задержка произошла бы при выгрузке танка на тот берег. Танк застрял бы на аппарели, а остальные пять оказались бы запертыми в трюме баржи, как в ловушке, под артиллерийским огнем противника.

В тот день нам казалось, что судьба всего мира зависит от герметизации. Этот случай вызвал такие опасения, что мы принялись лихорадочно пересматривать все вопросы, относящиеся к ней, желая установить, не упущено ли что-нибудь.

В данном случае нас интересует тот факт, что осуществление герметизации было возложено на военное министерство.

Особые условия операции требовали выдачи войскам продовольственных пакетов, не предусмотренных существующими нормами. Одно дело, если войска грузятся для продолжительного перехода морем на транспорты, оборудованные кухнями и обеспеченные запасами продовольствия. Совсем другое дело — отправка войск на небольших, не оборудованных кухнями десантных судах для перехода продолжительностью от 12 до 24 часов.

Задача питания была бы облегчена, если бы власти согласились лишить войска некоторых удобств. К несчастью для лиц, занятых планированием операции, это исключалось. Наоборот, было приказано всячески ухаживать за войсками во время перехода, чтобы они высадились совершенно свежими, сытыми и отдохнувшими. Считалось, что им предстоит перенести достаточно большие тяготы и лишения на том берегу.

В последующих главах я более подробно описываю меры, принятые для обеспечения питания войск. Здесь достаточно будет упомянуть о некоторых затруднениях, возникших при этом. Возьмем для примера пакет с продовольствием на одни сутки. Каждый солдат должен был получить два таких пакета на первые два дня пребывания во Франции. Такие пакеты были заготовлены. Они представляли собой чудо по малому объему и калорийности. Чуть ли не в последнюю минуту выяснилось: по условиям перевозки объем одного из двух пакетов надо еще уменьшить, чтобы он помещался в солдатском котелке. Пришлось переделать ни больше ни меньше как четверть миллиона пакетов!

Говорят, что цифры могут означать все, что угодно, но при планировании этой операции цифры были весьма реальным фактором. Вносить какие-либо изменения в план в поздние стадии было делом нелегким. Недостаточная продуманность одной детали в начале планирования влекла за собой подчас тяжелые последствия. Любая новая идея, возникшая незадолго до «дня Д», была серьезным делом. Всякая перемена требовала

изготовления полумиллиона предметов, а иногда и 20 миллионов.

Даже изготовление полумиллиона брючных пуговиц сверх нормы является крупной задачей в стране, где производство так строго контролируется, как в военной Англии. А представьте себе внезапную и срочную заявку на полмиллиона полных комплектов нательного белья или походного обмундирования! Это даже трудно себе представить. Однако такие затруднения возникали, и мы преодолевали их.

Не все задачи сводились к производству специальных предметов снаряжения. Я только что упомянул об инциденте с концентрированным суточным рационом. Порою возникали затруднения обратного порядка. Один такой случай произошел незадолго до «дня Д» в связи с тем же суточным рационом. Одно из соединений английской армии, только что вернувшееся из Италии, а до того выдержавшее самые тяжелые бои на другом театре, было расквартировано вблизи пунктов погрузки перед вторжением. Это была третья десантная операция, в которой участвовало соединение, и мы, естественно, прислушивались к мнению его солдат и офицеров. В один прекрасный день в мой служебный кабинет влетел офицер из штаба этого соединения и начал с жаром доказывать, насколько неудовлетворителен концентрированный суточный рацион. Он указал, что танкисты, руки которых будут покрыты жиром после удаления герметизации с машин, вряд ли смогут разминать пальцами прессованные обезвоженные мясные кубики, как рекомендовалось инструкцией. Кроме того, ему не нравилось слишком большое разнообразие рациона.

— Дайте мне пару банок мясных консервов и можете оставить себе все прочее, — сказал он.

Очень взволнованный, я согласился с ним, а затем узнал, что соединение представило свои возражения также и другими путями. Два дня оживленно обсуждался состав суточного рациона. В конце концов было принято самое разумное решение — продолжать выдачу прежних рационов. Дальнейшие события полностью оправдали это решение, и, мне кажется, что танкистам рацион понравился не меньше, чем другим солдатам.

Стирка белья может показаться не очень сложной задачей, даже при всех проволочках, которые приходится испытывать в гражданской жизни. Для армии, занявшей исходное положение для огромного наступления и к тому же строго засекреченной, стирка явилась такой проблемой, масштаб которой превзошел все ожидания. Единственным практическим решением, обеспечивавшим сохранение тайны, была выдача войскам более миллиона рубах, пропитанных специальным составом против вшей, и такого же количества комплектов пропитанного нательного белья менее чем за двое суток до высадки на побережье Нормандии. Это была последняя неприятность в связи со стиркой белья, кроме других, которые будут рассмотрены в одной из следующих глав.

В течение многих месяцев до «дня Д» санитарная часть военного министерства занималась вопросом о морской болезни и мерах борьбы с ней. Это, кажется, единственная задача, которую так и не удалось разрешить, несмотря на все усилия. Проводились десятки опытов на десантных судах. Несчастные солдаты целыми днями скитались по морю на стремительно раскачивающихся десантных баржах, испытывая на себе разные средства от морской болезни. Таких средств было предложено огромное количество. Солдаты неохотно глотали специальные таблетки, не приносившие никакой пользы. Применялись прививки, но результаты были настолько незначительны, что подвергать прививкам большую массу людей не имело смысла. Кроме того, служба управления движением не могла допустить задержки из-за прививок, производимых тысячам людей в день. Время шло, а удовлетворительного решения не находили. Против каждого предлагаемого средства выдвигались веские возражения: либо не было необходимых материалов, либо время не позволяло использовать предложенное средство.

Был период, когда наилучшими средствами считались плитка шоколада, пакетик сухарей и пластинка жевательной резины. Последовательность, в которой рекомендовалось потреблять эти продукты, вызывала

много шуток по адресу санитарного управления. Однако постепенно из набора был исключен шоколад, затем сухари, и в конце концов осталась только жевательная смолка. Как это ни странно, заготовка жевательной смолки явилась трудным делом, хотя каждый американец из находившихся в то время в Англии жевал смолку. Пришлось утвердить выдачу смолки только тем войскам, которые высаживались в «день Д» и «Д + 1» [1].

Морская болезнь — это важный психологический фактор для войск, входящих в состав первого эшелона десанта. Солдаты, страдающие морской болезнью, не смогут сразу итти в атаку с должной энергией и порывом. Отсутствие лекарства от морской болезни вызвало в последние минуты новое требование — снабдить каждого солдата тремя мешками для нужд страдающих морской болезнью. Мешки были изготовлены из вощанки и имели по краям отверстия вырезанные ручки. Каждым мешком можно было воспользоваться три раза. Это не очень эстетичная тема, но пришлось в короткое время изготовить и выдать на руки несколько миллионов таких мешков. Выдача их подтвердила наши худшие опасения насчет того, что морская болезнь признана неизбежной.

Был момент, когда уже знакомое нам дело герметизации угрожало совершенно застопориться из-за недостатка жира. Изменение, внесенное в процесс герметизации, почти утроило потребность в жире. По мере поступления заявок соответствующий отдел заготовок военного министерства начал испытывать все возрастающее беспокойство. Потребление ежедневно увеличивалось, и производство не успевало за ним. Причина казалась необъяснимой, пока не было произведено специальное расследование. Пришлось коренным образом пересмотреть план производства.

Время от времени небольшие изменения, вроде только что упомянутого, влекли за собой необычайные трудности в работе высших планирующих органов. Ни в одной другой области военной или гражданской

[1] «Д + 1» значит одни сутки после дня вторжения.

деятельности мне не приходилось видеть, чтобы маловажные, на первый взгляд, вопросы приобретали такое значение.

Одной из крупнейших и самых волнующих задач, которые требовали разрешения в кратчайший срок, была выпечка хлеба такого качества, чтобы он не черствел 21 день. Мука военного времени сохранялась не так хорошо, как мука мирного времени, и это оказалось еще одним затруднением. Фактически надобности в нечерствеющем хлебе не возникло, и можно сказать, что исследования пропали на этот раз зря. Но планирующим органам приходилось считаться с тем обстоятельством, что полевые хлебопекарни могут и не попасть на плацдарм, где им нужно было развернуться в назначенный срок, а именно — через 60 дней после «дня Д».

В течение этих 60 суток войскам пришлось бы довольствоваться армейскими сухарями. Как ни хороши эти сухари, ими не годится питаться более двух месяцев, так как в них содержится много грубых пищевых элементов. Поэтому надо было решить задачу снабжения войск хлебом на тот случай, если полевых хлебопекарен не будет. Единственным выходом представлялось изготовление специального хлеба, который можно было выпекать в Англии и отправлять на континент. Он должен был сохраняться свежим в течение примерно 21 дня, чтобы не зачерстветь до выдачи войскам.

Задача была разрешена успешно. Незадолго до «дня Д» военные и гражданские хлебопекарни получили препарат, предохраняющий хлеб от черствения, чтобы использовать его, если возникнет необходимость. Несколько военных хлебопекарен выпекало нечерствеющий хлеб для потребления на судах. Состав секретного препарата невероятно прост. Он найдет себе широкое применение в мирное время. Он не имеет вкуса и запаха, нисколько не отзывается на качестве хлеба.

Другое изобретение, связанное с питанием, обещает еще более широко распространиться в мирное время. Речь идет о разнообразных «саморазогревающихся» пищевых продуктах. Потребность в них возникла из-за

отсутствия кухонного оборудования на десантных баржах. Сперва казалось, что во время перехода через Ла-Манш войскам придется довольствоваться холодной пищей. Однако за дело взялись люди науки, которые и разработали самонагревающиеся банки с супом и какао. Приспособление заключается в столбике нагревательного вещества, помещающегося в самой банке, из которой торчит небольшой воспламенитель. Если коснуться его концом зажженной папиросы, нагревательный элемент загорается, и через пять минут содержимое банки нагревается до точки кипения. Столбик горит без пламени, и горячий напиток можно потреблять в какой-нибудь миле от противника, не выдавая себя огнем.

Таких банок было изготовлено много миллионов, и они пользовались большой популярностью среди войск. Во время перехода каждый солдат имел по банке супа и какао, которые он мог выпить, когда ему захочется. Большинство предпочитало пить их перед самой высадкой.

Не забудем, что описанная нами часть задачи была только одной из граней деятельности военного министерства. Она относилась лишь к потребностям, возникающим в связи с особым характером подготовлявшейся операции. Наряду с этими особыми задачами шла напряженная, более обычная, но не менее важная работа по оснащению и снабжению войск. Кроме того, приходилось поддерживать тесную связь с американцами, получавшими от нас много снаряжения и имущества, которое более удобно было производить в Англии, чем доставлять из-за Атлантического океана.

Мы побывали за кулисами, поговорили с режиссерами и заведующими реквизитом. Мне кажется, что теперь мы можем посмотреть репетиции.

ГЛАВА IV

Репетиции

УПРАВЛЕНИЕ ДЕСАНТНЫМИ ОПЕРАЦИЯМИ

Я уже упоминал, что особой задачей управления десантными операциями была подготовка войск к участию в такого рода операциях. Проведение разведывательных налетов на занятое противником побережье было второстепенной задачей, но эти поиски, помимо ущерба, причиняемого врагу, играли очень существенную роль. На основе их опыта проверялись практически положения, выработанные специалистами по боевой подготовке в управлении десантными операциями.

Каждый новый успех, который в то время на один день служил предметом удивления для газет и публики, подвергали тщательному анализу во всех подробностях работники управления десантными операциями. Удачные тактические приемы вносились в новые программы боевой подготовки, устаревшие отбрасывались.

Все знаменитые теперь налеты на маяк Каскэ, острова Ла-Манша, Лофотенские острова, Бардию, Тобрук, Крит, Вогзё, Брюневаль, Сен-Назер, особенно нападение на Дьепп, были только опытами, и мы непрерывно учились на ошибках, допущенных во время их проведения.

Между нападениями на Сен-Назер и на Дьепп имело место занятие острова Мадагаскар, бывшее первым закрепленным успехом, достигнутым управлением десантными операциями в том смысле, что войска, высадившиеся на острове, должны были по плану остаться там.

Затем, в ноябре 1942 года на побережье Северной Африки успешно высадились силы, которые по своей численности уже могли быть названы «войсками втор-

жения». Снова эта операция, осуществленная управлением десантными операциями, дала нам драгоценный опыт. Не менее важен был приобретенный военно-морским флотом опыт сбора такой большой армады кораблей и пловучих средств и построения их в надлежащий порядок при подходе к побережью перед началом высадки.

Приобретенный опыт оказался совершенно неоценимым, когда была предпринята значительно более сложная операция по открытию второго фронта. Отметим, что многие корабли и пловучие средства участвовали в этих боевых операциях.

Но даже высадку в Северной Африке нельзя сравнить с намеченным штурмом «Западного вала». Нападение на Дьепп неопровержимо доказало, что такой штурм будет трудной задачей, которая потребует совершенно новой боевой техники, сосредоточения огромных сил, системы снабжения через береговые плацдармы, превосходящей по своей сложности все, что когда-либо предпринималось в этой области.

Если в Дьеппе было выгружено 28 танков, то вторжение требовало сотен танков и притом таких, которые смогли бы пройти вброд при глубине воды в несколько футов и, выйдя на берег, немедленно приступить к выполнению своих боевых задач на участках взморья и вокруг них.

Рассмотрим теперь настроение немцев, сидевших за своим «Западным валом». Они не имели иного опыта десантных операций, кроме опыта стороны, против которой эти операции предпринимались. Они могли вывести только те заключения, которые мы давали им возможность сделать на основании наших поисков. Они не могли разработать никаких приемов обороны против никогда еще не применявшихся форм атаки.

Немцы заразились «духом линии Мажино». Тщательное изучение системы их обороны на побережье Франции, проведенное нами после высадки, позволяет судить о том, насколько тщательно была она организована. Однако немецкие оборонительные сооружения были рассчитаны на известные в то время виды боевой техники и приемы атаки. Иначе говоря, немцы были

похожи на боксера, способного выдерживать сильные удары, но наполовину ослепленного, а мы стояли на другом конце ринга в виде боксера более легкого веса, но с более острым умом, и незаметно для противника изыскивали неожиданные для него приемы, чтобы преодолеть его оборону и нокаутировать его.

Перед личным составом управления десантными операциями стояла далеко не простая задача. Речь шла уже не о том, чтобы обучить и натренировать до совершенства небольшой отряд «коммандос» и затем предпринять поиск, который закончился бы в несколько часов. Нет, теперь предстояло выгрузить в считанные дни несколько сотен тысяч человек и машин, а затем в течение неограниченного времени снабжать эти войска через плацдармы, удерживаемые еще с трудом.

Ответственность за ведение операций на суше лежала на других органах командования, а задача управления десантными операциями сводилась к обеспечению подхода к противнику и завязки боя. Это была как бы война внутри войны, средство для достижения конечной цели. После того как завяжется сражение и будет успешно создан плацдарм, специальная работа управления должна была закончиться.

Через несколько дней после вторжения я получил номер журнала управления десантными операциями «Бульдозер». В нем объявлялось, что это последний номер. Это означало, что управление с честью выполнило свое дело, которое прекратилось в период нормального сухопутного сражения, явившись необходимой предварительной подготовкой к нему.

За кулисами поисков и вторжений небольшого масштаба, о которых было известно широкой публике, управление десантными операциями руководило обучением союзных экспедиционных армий. В засекреченных районах Северной Шотландии, на горных озерах центры совместной подготовки пропускали все возраставшее количество войск, которые должны были стать авангардом армий вторжения. Пассажирские пароходы, железнодорожные паромы и сотни других судов переделывались в десантные транспорты для пехоты. В бухточках шотландского побережья было собрано бесчис-

ленное множество мелких судов специального назначения; каждое должно было выполнять особую задачу, но общий успех мог быть обеспечен только согласованными действиями всех.

В течение 1941, 1942 и 1943 годов длинные колонны людей и машин быстро двигались на север, чтобы пройти период обучения и тренировки в центрах. Там они учились грузиться на десантные баржи и высаживаться с них, жить на десантных транспортах, герметизировать машины, вводить танки и автомобили на баржи и транспорты, знакомились с сотнями мелочей, необходимых для того, чтобы обеспечить успех вторжения. Затем они возвращались на свои нормальные стоянки и ожидали наступления «дня Д».

По мере того как проходили месяцы и годы, а «день Д» все не наступал, многим из этих людей, наверно, казалось, что приобретенный ими опыт пропадает зря. Но он пригодился.

Классическим примером является одна автотранспортная рота, которая побывала в Шотландии в начале 1942 года и вернулась на место своего постоянного расположения, предвкушая участие в десантной операции. Затем потянулись долгие месяцы, и ничего не происходило. Окончательный удар обрушился на роту летом 1942 года, когда она была переименована в роту самосвалов. Проклятиями встретил это распоряжение личный состав роты, думавший, что теперь он осужден возить балласт для инженерных частей на какой-нибудь тыловой базе.

Однако планы составлялись не зря. Рота оказалась одной из первых, высадившихся в Северной Африке, а через несколько дней после вторжения в Европу она была уже занята на постройке самых передовых аэродромов.

В центрах боевой подготовки был намечен порядок погрузки имущества первых эшелонов десанта. То, что грузилось в первую очередь, должно было выгружаться последним. Ошибки при этой погрузке были недопустимы. На что годятся пушки без боеприпасов или танки без горючего? Пришлось планировать

все — до последней указательной доски, до последнего ящика с запасными частями. Постепенно был разработан проект и заложены общие основы размещения грузов.

Конечно, раз навсегда установленного подробного плана не было. Порядок погрузки менялся для каждой операции и для каждого судна, судя по задаче, возложенной на перевозимый отряд. Управление десантными операциями вскрыло все ошибки, допущенные по неопытности, и выработало рациональный порядок действий, подробности которого изменялись в зависимости от конкретной задачи.

Это было не так просто, как кажется. Погрузку можно растянуть при благоприятных условиях на довольно продолжительный срок, а разгрузка должна быть рассчитана до долей секунды, так как она происходит в обстановке, когда смерть грозит и с неба и с моря, когда промедление в десять секунд может повлечь за собой гибель целого десантного отряда и поставить всю операцию под угрозу срыва.

Приходилось всегда примирять противоречивые требования: с одной стороны, возможно более легкое оснащение первого эшелона обеспечивало его подвижность; с другой стороны, надо было иметь все нужные средства под руками, чтобы люди и техника выгружались в полной боевой готовности. Работники управления изучали тысячи мелочей, свойственных десантным операциям, и находили в каждом случае правильное решение.

В первой же операции один из пулеметов Брена, прислоненный к планширу десантной баржи, оказался временно негодным к действию, потому что на него попали брызги холодной воды. Он стал работать нормально лишь после того, как механизм разогрелся и восстановилось нормальное смазывание.

Каждая рабочая часть любого десантного судна конструировалась особо. Ни один предмет нельзя было принять, основываясь лишь на том, что он обычен для нормальной практики. Все, до последнего опорного крюка, изучали специалисты и переконструировали, если это оказывалось необходимым.

Успех десантных операций определяется фактором времени. Здесь время исчисляется не минутами и часами, а секундами. Порою целый флот находится во власти неожиданных капризов погоды, а личный состав его судов знает, что если он опоздает хоть на несколько минут, побережье, находящееся за много миль отсюда, будет усеяно сотнями трупов его товарищей. Нигде, кажется, успех военной операции не зависит так от внешнего фактора, как успех десантных действий от фактора времени, и никогда точное соблюдение намеченных сроков не приводит к такому блестящему успеху.

Здесь не место для подробного отчета о работе управления десантными операциями; такой отчет будет, несомненно, написан более компетентными людьми. Однако необходимо дать общую картину его деятельности, чтобы оценить масштаб работы, проделанной нашими экспедиционными силами, прежде чем они высадились на территорию, занятую врагом.

В то время как боевая подготовка шла полным ходом, поиски и небольшие десантные операции проводились повсюду, группа специально отобранных людей приступила к оборудованию пунктов, с которых было намечено предпринять вторжение. На открытых пляжах, вдоль набережных и молов, на обсаженных деревьями берегах рек, между стапелями судостроительных верфей начали возникать почти незаметные посадочные дорожки, сложенные из плит, похожих на плитки шоколада.

Эти дорожки, которые нужны были для нагрузки и разгрузки десантных судов, имели не слишком внушительный вид. Я помню первую дорожку, которую увидел во время одной из своих разведок. Собственно говоря, я не увидел ее, так как, уже стоя на бетонных плитах, я еще не был уверен, что нахожусь на должном месте. Расположенный поблизости сарай со спасательной шлюпкой мог навести на мысль, что дорожка представляет собою слип [1] для этой шлюпки. Но тщательно сверившись с картой, я убедился, что эта не-

[1] Спуск.

большая площадка, выложенная бетонными плитами, является на самом деле погрузочной дорожкой и должна стать одним из пунктов посадки десанта для вторжения в Европу.

Дорожка состояла из нескольких сотен плит размерами в 1 квадратный ярд, отлитых в виде плиток шоколада и скрепленных между собой переплетающимися проволочными ручками. Она вела к молу, который являлся ее продолжением. Вдоль мола была проложена труба нефтепровода. Больше ничем это место не отличалось от всякого другого на побережье.

На погрузочных дорожках проводились пробные посадки и потом вычислялись важные цифровые данные. Сколько машин и людей можно погрузить за определенный отрезок времени? При каком положении прилива может производиться погрузка? Какая высота воды помешает погрузке? Каково влияние течения на стоящие под погрузкой суда? Не намывается ли на дорожки галька, которая может помешать подходу машин к судну, пока путь для них не будет расчищен бульдозерами? По каждому пункту приходилось определять данные отдельно. Каждую дорожку испытывали особо, так как условия приливов и течений, гальки и ила, ветров и погоды были повсюду различны. А между тем необходимо было знать пропускную способность каждой дорожки так, чтобы можно было рассчитать полную пропускную способность в любой период прилива.

Эта цифра имела особое значение для первого эшелона экспедиционных сил, который надлежало погрузить в первый день в количестве 250 000 человек и машин. Раз начавшееся движение войск из лагерей, расположенных внутри страны, трудно было бы остановить или направить по другим маршрутам. Поэтому погрузочные дорожки в соседних районах строились так, чтобы они дополняли одна другую: если одна окажется непригодной из-за сильного прилива или ветров, можно в тех же условиях использовать другую.

Когда пункты погрузки наметились, было обращено внимание на пути сообщения между ними и лагерями, расположенными внутри страны. Только небольшое

число погрузочных пунктов имело хорошие пути подхода. Поэтому строились специальные дороги от побережья к шоссейным магистралям. Этот вопрос находился вне компетенции управления десантными операциями; он относился к отделу управления движением. На этот отдел штаба была возложена ответственность за переброску всей армии вторжения из всех уголков Британии с помощью обширной, широко разветвленной организации в те точки, где бойцов ожидали суда.

Служба управления движением играла одну из главных ролей в планировании вторжения. Из следующих глав будет видно, что это было безусловно положительным фактором. Личный состав этой службы не щадил усилий, стремясь обеспечить взаимодействие с другими отделами штаба.

ГЛАВА V

Занавес поднимается

ФУНКЦИИ СЛУЖБЫ УПРАВЛЕНИЯ ДВИЖЕНИЕМ

В настоящей главе прежде всего объясняются функции и обязанности службы управления движением. Это дело настолько глубоко затрагивало все остальные стороны операции, что придется коснуться многих подробностей развертывания общего плана. Поэтому настоящую главу было бы правильнее озаглавить: «Разработка плана и участие в ней службы управления движением». Введение в середину главы самого плана, вероятно, ослабит драматизм повествования. Но мне кажется, что лучше отказаться от драматизма и дать план, поскольку это поможет читателю яснее понять происшедшее.

Что такое служба управления движением? Это не что иное, как род войск, а вернее, часть одного из родов войск. Подобно тому, как корпус снабжения и транспорта ведает, с одной стороны, транспортом, а с другой — продовольственным снабжением, наши инженерные войска делятся на несколько специальностей. Одни инженерные части специализируются в минном и подрывном деле, другие — в постройке мостов и дорог. Наконец, существует специальность, взявшая на себя задачу управления передвижениями. Она известна под названием службы управления движением и ответственна за организацию и регулирование переброски войск по грунтовым и железным дорогам и по морю. Переброска больших партий личного состава, имущества, запасов и снаряжения всегда происходит под контролем службы управления движением.

Таким образом, отправка наших армий вторжения должна была представить серьезную задачу для лич-

ного состава этой службы. Одним из первых правил планирования явилось подчинение ее требованиям почти во всех вопросах. Конечно, когда план был окончательно выработан, оказалось, что многие пожелания службы управления движением, рассчитанные на упрощение ее собственных задач, не могли быть выполнены по другим важным соображениям: необходимости обеспечить питание и отдых войск, произвести герметизацию машин и т. п. В тех случаях, когда требования службы управления движением сталкивались с требованиями службы снабжения, вопрос передавался на арбитраж, и достигался компромисс.

Тем не менее отправка войск была в первую очередь возложена на службу управления движением, и все мероприятия по снабжению войск приходилось подчинять ее плану. Достигнутое взаимодействие свидетельствует о проявленном всеми понимании существа дела. Большинство работников, занимавшихся планированием снабжения, очень смутно представляло, как работает эта служба, и на первых порах было недовольно посторонним вмешательством. Однако отношения постепенно наладились, и установилось прочное взаимодействие.

Представьте себе задачи службы управления движением. До одного миллиона людей со всем их имуществом и снаряжением надо было перебросить из отдаленных районов страны по автогужевым и железным дорогам и направить примерно через двадцать пунктов погрузки. Каждая войсковая часть получила свой номер, и с самого начала движения работники службы должны были следить за ней до того момента, когда она будет погружена и сможет быть вычеркнута из списка.

Задержки не допускались. Надлежало поддерживать непрерывное движение войск к пунктам погрузки. Войскам надо было грузиться на суда в заранее установленном очередном порядке. Поток нельзя было прерывать ни при каких обстоятельствах. Наряду с этой переброской войск и их снаряжения имелся обширный план массовых перевозок имущества и запасов в некоторые порты для снабжения наших войск после их высадки во Франции. Сотни кораблей, больших и малых, грузились

военными материалами в то самое время, когда войска занимали свои боевые позиции.

Такой представлялась общая картина. Задача была бы грандиозной даже при том условии, если бы железные дороги имели подвижный состав в том же количестве и состоянии, как до войны, если бы служба управления движением располагала своим нормальным аппаратом, а переброски войск не отличались некоторыми новыми особенностями. Но ко всем нормальным затруднениям прибавлялись еще особые требования, вытекавшие из общего плана вторжения.

Имелись шесть факторов, требовавших немедленного рассмотрения. От решения связанных с ними задач зависел весь план подготовки вторжения. Эти факторы были решающими, хотя приходилось учитывать и много второстепенных.

Первым фактором было то обстоятельство, что передвижение 1 миллиона людей с их 200 000 повозок и машин проходило в одном общем направлении по шоссейным и железным дорогам, сходившимся к пунктам погрузки. Это требовало организации системы регулирования в еще невиданных масштабах и самого точного расчета передвижений во времени, чтобы избежать образования заторов.

Второй фактор заключался в том, что где-то на маршрутах воинские части и подразделения теряли свое лицо. Они превращались в группы, соответствующие грузовой вместимости десантных судов. Это было связано с двумя трудностями. Во-первых, служба управления движением должна была создать органы, которые указывали бы частям, в каком порядке им делиться на группы, для погрузки на суда. Во-вторых, часть, разбитая на такие группы, немедленно лишалась способности к самообслуживанию. Например, легко могло случиться, что повара и кухни какой-либо части вызывались вперед для погрузки в первую очередь. Часть не могла остаться без средств продовольственного снабжения, и приходилось создавать орган, который взял бы на себя питание и обслуживание таких частей. Ясно, что этому органу надо было занимать центральное место по отношению к основным магистралям, сходящимся к

пунктам погрузки, и находиться достаточно близко к последним.

Третьим фактором было то, что приливы и погода, к несчастью, не подчинялись службе управления движением. Резкое изменение атмосферных условий могло нарушить намеченный планом ход перебросок. Только исключительная удача позволила бы поддерживать непрерывное движение войск через порты и пункты погрузки. Но планы не могут строиться в расчете на самое удачное стечение обстоятельств. Было сочтено необходимым предусмотреть случаи, когда погрузка части, уже двигающейся к указанному пункту, почему-либо не может состояться. Нельзя было допускать, чтобы части оставались ждать у обочин дороги, но и не могли они направляться обратно на место стоянки. Это заставило организовать районы для размещения войск возможно ближе к пунктам погрузки.

Четвертый фактор. При выгрузке на том берегу машины должны были проходить по воде; следовательно, надо было их герметизировать. Герметизация ограничивала радиус действия машин и осуществлялась постепенно. Первая стадия занимала около двух суток и снижала радиус действия машины до 200 миль (320 км). Вторая стадия отнимала 16 часов и позволяла машинам проходить всего несколько миль. Третья стадия, занимавшая полчаса, допускала движение машин на самое короткое расстояние. Наиболее трудную проблему представляла собой вторая стадия, требовавшая 16-часовой остановки в каком-то месте, отстоящем от пункта погрузки не более чем на несколько миль. Таким образом, приходилось устраивать места для размещения машин и личного состава на указанный срок.

Пятый фактор состоял в том, что машины должны были выгружаться с полным запасом горючего. Поэтому требовалось выбрать районы заправки горючим возможно ближе к пунктам погрузки.

Шестой фактор вызывал наибольшие разногласия между службой управления движением и снабженцами. Войска должны были погружаться на суда хорошо накормленными, отдохнувшими, в отличном моральном состоянии. А это значило, что их до последней минуты

надо обеспечивать хорошо приготовленной горячей пищей, иметь помещения для спанья вблизи пунктов погрузки.

Таковы шесть основных факторов. Анализ вытекавших из них требований показал, что большую часть их можно удовлетворить путем устройства лагерей в нескольких милях от пунктов погрузки. В этих лагерях части должны были обслуживаться, «как в гостинице», и лагери действительно стали так называться. Они располагались группами и иначе именовались «районами распределения», так как здесь войска распределялись на группы соответственно вместимости десантных транспортов и барж (см. схему 2).

Так выглядели теоретические установки. Какова же была фактическая организация дела? Мы уже знаем, как устраивались на побережье пункты погрузки. Они были важнейшими звеньями во всей организации, которая строилась применительно к их расположению (см. схему 3).

Возьмем какой-нибудь пункт погрузки и построим эту организацию, идя, так сказать, спереди назад. Предположим, что пропускная способность пункта составляет 300 человек, 100 машин и повозок в сутки. Что должно делаться на пункте? Конечно, там нужно установить наблюдение за погрузкой людей и машин. Поблизости выполняется третья стадия герметизации. Органы службы управления движением отбирают у грузящихся партий документы, чтобы иметь сведения, какие люди и какое имущество прошли через этот порт или погрузочную дорожку. Снабженцы требовали, чтобы люди перед самой погрузкой получили по чашке чаю; поэтому здесь же устроены чайные. Но существует категорическое требование службы управления движением: в данное время людям не отходить от своих машин более чем на 10 ярдов. Значит, они не могут сами пойти за чаем, и надо постараться подать им чай к машинам.

Но это еще не все. Вдоль дороги через каждые 100 ярдов должны быть устроены отхожие ровики или уборные. Через еще меньшие интервалы отрываются щели на случай воздушного нападения. А поскольку некоторые такие районы находятся в центре крупных

Схема 2. План лагеря района распределения

населенных пунктов, то подобные требования гораздо легче предъявить, чем выполнить. Помимо всего этого, обеспечивается погрузка на суда запаса продовольствия, кухонь, одеял и других мелких грузов.

Схема 3. Общий план районов сосредоточения, распределения и погрузки в Южной Англии перед «днем Д».

Для всего этого требуется много людей. Численность обслуживающего личного состава выражается трехзначной цифрой. Весь район называется «районом погрузки», а обслуживающий персонал — «личным составом рай-

она погрузки». Все органы этого района расположены в радиусе 1—2 миль от пункта погрузки (см. схему 4).

Из района погрузки мы возвратимся в район распределения, о котором я уже писал. Он нормально обслуживал несколько районов погрузки и занимал по отношению к ним центральное положение.

Организация района распределения представляет большой интерес. Численность личного состава, обслуживавшего каждый такой район, составляла несколько сотен человек. Это был самостоятельный городок, хотя в основном люди располагались в палатках. Размеры района зависели от пропускной способности обслуживаемых им пунктов погрузки: он был рассчитан на размещение людей и машин в количестве, равном двухсуточной пропускной способности пунктов. Если, скажем, районы погрузки пропускали в сутки 5 000 человек и 1 000 машин и повозок, то в районе распределения должно было помещаться одновременно 10 000 людей и 2 000 машин и повозок. В районе распределения находился многочисленный персонал службы управления движением. Тут заготовлялись списки частей и подразделений, подлежавших погрузке в следующую очередь; давались им указания о предназначенных для них судах и о разбивке на группы; проверялись все подробности погрузки в целях обеспечения полного взаимодействия, и затем части инструктировались относительно порядка движения в пункте погрузки.

Работа службы управления движением осложнялась вопросами первой стадии герметизации машин, которая, как мы видим, сокращала их радиус действия до 200 миль. Очевидно, в нормальную дислокацию войск необходимо было внести некоторые изменения, чтобы все подлежащие погрузке войска оказались в пределах 200-мильного радиуса. Для этого был обозначен на карте район, лежавший целиком на расстоянии не более 200 миль от пунктов погрузки. Он получил название «район сосредоточения». До начала движения к пунктам погрузки необходимо было стянуть войска в этот район.

Такова была в общих чертах организация передвижения войск. Проследим теперь за переброской хотя бы

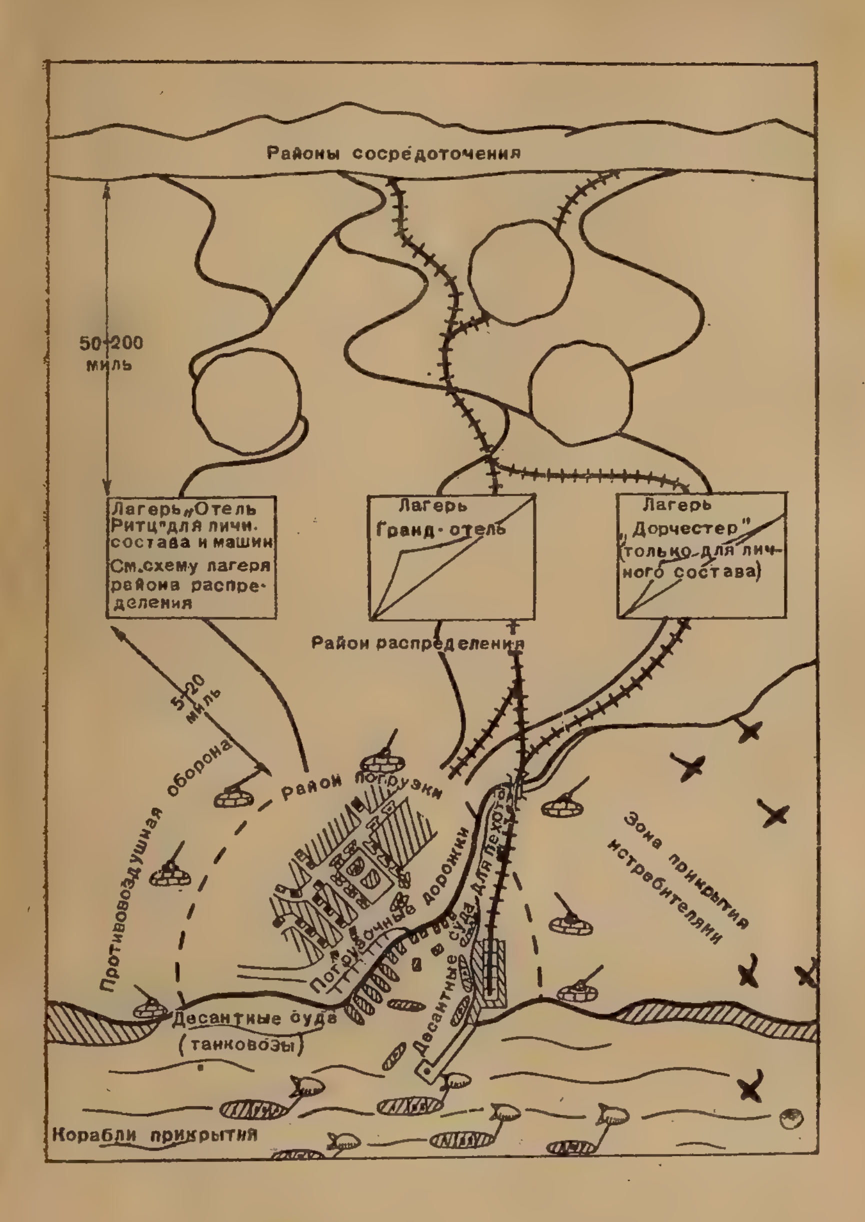

Схема 4. Схема района погрузки

пехотного батальона, расположенного по нормальной дислокации в г. Перт.

Перт находится в 200 милях от ближайшего района погрузки. В один прекрасный день командир батальона получает приказ перевести свою часть в Олдершот. Гусеничные транспортеры едут по железной дороге, остальные подразделения двигаются по грунтовым. Через двое суток часть прибывает в Олдершот. Здесь командир получает пакет, помеченный «совершенно секретно» и содержащий предварительные распоряжения о мероприятиях, которые нужно провести, прежде чем батальон будет признан закончившим сосредоточение. Недели через две после этого поступают новые распоряжения и сообщается о том, что сосредоточение батальона будет считаться законченным через семь суток. Закончив сосредоточение, батальон должен быть готов перейти в район распределения через шесть часов после получения приказа на движение. В свое время командир получает этот приказ, батальон переходит в район распределения и здесь разбивается на группы, соответственно грузовой вместимости судов. В это же время производится герметизация машин, последняя проверка оружия и снаряжения. Не пройдет и двух суток, как батальон, погрузившийся на суда, будет находиться в море по пути во Францию.

Так работала в действительности описываемая организация, которая, как всякое английское учреждение, получила свою кличку: ее прозвали «колбасной машиной». Возникает вопрос: откуда же эта организация знала, какую часть или подразделение вызывать для погрузки на определенный пункт?

Ответ на этот вопрос мы найдем в рассказе о том, как штаб экспедиционных сил планировал всю операцию в целом. Проще будет вернуться к самому началу и проследить большие и малые пути развития этого плана. Вот почему в начале этой главы я сказал, что работа службы управления движением была неразрывно связана с любой стадией планирования.

Я не вижу причин, которые заставили бы нас возвратиться к моменту принятия политического решения. Мы все знаем об имевших место конференциях с уча-

стием глав союзных государств. Из этих общих решений выросла организация, структуру которой мы попытались описать. Но с точки зрения самих сил вторжения первым действительно осязаемым фактором явился общий план верховного главнокомандующего. До издания этого плана не было возможно никакое подробное планирование. В данном случае это был план верховного главнокомандующего генерала Эйзенхауера. Он мог быть адресован генералу Монтгомери, который был назначен командовать армиями на театре военных действий в период операций.

Вот какого типа документ генерал Эйзенхауер мог бы адресовать генералу Монтгомери:

Особые директивы союзным экспедиционным силам

Карты: Франция, листы 1, 2, 3, 4 и т. д.

Верховное командование союзных экспедиционных сил

ОПЕРАТИВНАЯ ДИРЕКТИВА № I

Командующему 21-й группой армий
генералу Б. Л. Монтгомери

1. Правительство Е. В. и правительство Соединенных Штатов Америки решили, что обстановка складывается благоприятно для проведения операции, имеющей целью уничтожить германские вооруженные силы, расположенные в настоящее время во Франции и Западной Европе. Оккупацию нами этих стран будут приветствовать их временные правительства, образовавшиеся ныне в Великобритании; имеются также признаки того, что и народы Западной Европы ждут своего освобождения. В частности, французский народ проявляет стремление сбросить немецкое иго; поэтому решено, что главная операция будет предпринята через Францию.

2. Эта операция будет производиться тремя стадиями:

а) Стадия I — захват плацдармов в Нормандии.

б) Стадия II — закрепление и расширение плацдармов с целью получения возможности высадить и организовать достаточно крупные силы для того, чтобы обеспечить разгром всех сил противника.

в) Стадия III — дальнейшее наступление в глубь Франции и освобождение других западно-европейских стран.

3. Операция, указанная в п. 2, «а» и «б», планируется как совместная операция, в которой будут участвовать английские, канадские, американские и другие союзные войска; она будет проведена в первой половине июня 1944 года. Участвовать в ней будут:

2-я британская армия,

1-я канадская армия,

1-я американская армия.

Намеченный район плацдарма охватывает все побережье Франции от Изиньи до Онфлёр (оба пункта включительно), а передней границей плацдарма будет линия Изиньи—С. Ло—Конд—Фалез—Лизьё—Онфлёр (все включительно).

4. Операция, указанная в п. 2, «в», будет проведена первоначально 3-й американской армией под Вашим командованием, а также, насколько позволит обстановка, армиями, перечисленными в п. 3, по мере того как они будут освобождаться ввиду отхода или уничтожения противника. Вам надлежит немедленно приступить к планированию операции, имея в виду нижеследующее:

5. *Задача*—Ваша задача заключается в следующем:

а) Овладеть плацдармом, указанным в п. 3.

б) Перейдя в наступление с плацдарма в Нормандии, произвести широкий охват германского левого фланга, опираясь на р. Сена для совершения этого движения.

в) Как можно скорее овладеть портами Шербур и Гавр.

г) Двинуться на Париж и овладеть им.

6. *Район операций*. Объектами Ваших операций будут восточные и северные районы Франции. Вы вступите в Бельгию и Голландию, поскольку это позволят Ваши силы. Продвижение к югу от плацдарма может быть предпринято, если того потребует тактическая обстановка, а позднее — с целью соединиться с 7-й американской армией, которая в надлежащий момент высадится на южном побережье Франции и будет пробиваться на соединение с Вашими армиями. Полные све-

дения об этой операции будут доставляться Вам по мере их поступления.

7. *Силы противника.* Расположение сил противника, насколько оно известно, показано на прилагаемой карте А. Сводка последних сведений о германских силах во Франции дана в приложении А. Одновременно с Вашей операцией будут предприняты на других участках демонстративные атаки с целью сковать германские силы, занимающие оборону на побережье, и таким образом на возможно более продолжительный срок воспрепятствовать сосредоточению вражеских сил против Вас. Поддержки этих демонстративных действий подчиненными Вам войсками не потребуется. Одновременно с Вашим наступлением русские войска усилят свой нажим на Восточном фронте, чтобы как можно больше затруднить немцам переброску сил с этого фронта. Скорость прибытия германских подкреплений на Ваш фронт будет зависеть от того, в какой мере нашим воздушным силам удастся разрушить коммуникации противника и в каком количестве он сможет снять войска с Восточного фронта. Считают, что германские подкрепления смогут прибывать в Нормандию в следующие сроки:

а) одна дивизия через 7 суток;

б) по одной дивизии через каждые следующие 36 часов.

8. *Сосредоточение сил в Великобритании.* Боевое расписание подчиненных Вам войск приведено в приложении Б. Намеченные районы сосредоточения указаны в приложении В. Расположение соединений определяется главным образом возможностями их погрузки в портах и типами судов, имеющихся для перевозки десанта. Планирование сосредоточения войск в Англии и переброски их морем не входит в Ваши обязанности. Однако Вам предоставляется право предлагать незначительные изменения в дислокации, могущие облегчить Ваши действия.

9. *Воздушно-десантные войска.* Воздушно-десантные дивизии, указанные в приложении Г, будут подчинены Вам для выполнения определенных задач в связи с высадкой первого эшелона десанта, после чего они должны будут вернуться в Англию, в центры сбора, для вос-

становления. Воздушно-десантные соединения, указанные в приложении Д, будут находиться в Англии, в резерве главного командования, готовыми оказать Вам поддержку. Заявки на поддержку воздушно-десантными войсками, помимо предоставленных в Ваше распоряжение, следует направлять верховному командованию союзных экспедиционных сил. Использование воздушно-десантных войск будет планироваться совместно с маршалом авиации, который будет помогать Вам во всех делах, касающихся авиации.

10. *Темпы.* Вы должны вести операции в возможно более быстрых темпах, чтобы добиться своей цели, прежде чем немцы успеют значительно усилить свои войска, против которых Вам придется действовать. В первый день операции намечено высадить 10 дивизий. В дальнейшем наличие тоннажа и погрузочных устройств позволят отправлять ежедневно до двух дивизий с боевой техникой и снаряжением. Считается, что на открытом побережье можно будет принимать примерно это количество войск. В течение первых 90 суток обладание портом не является существенным для успеха операции, хотя и очень желательно возможно скорее получить в свое распоряжение порт.

11. *Подкрепления.* Дополнительных соединений для Вашей операции не будет до дня «Д + 90», когда в Ваше распоряжение поступит 9-я американская армия. Мелкие пополнения будут доставляться нормальным порядком.

12. *Поддержка с воздуха.* В Вашем распоряжении будут находиться 2-й английский корпус тактической авиации и 8-й американский авиационный корпус, которые развернутся по Вашему указанию. На маршала авиации N, назначенного заместителем главнокомандующего, возлагается ответственность за планирование и проведение операции в воздухе. Кроме упомянутых сил тактической авиации, Вам будет оказана поддержка английскими и американскими бомбардировочными соединениями. Использование этих соединений для предварительного ослабления противника, предусмотренное стратегическим планом, указано в приложении Е. О всех изменениях, которые Вы пожелали бы внести в этот

план, Вам надлежит немедленно донести верховному командованию. Заявки на соединения тяжелых бомбардировщиков во время операции следует направлять верховному командованию, имея в виду, что в большинстве случаев невозможно будет производить бомбардировку указанных в заявке объектов в ту же ночь, если заявка не будет представлена до 12.00 предшествующего дня.

13. *Поддержка военно-морским флотом.* В «день Д» корабли, перечисленные в приложении Ж, будут готовы с часа «Ч—120» начать обстрел с моря указанных Вами объектов. На адмирала X возложено планирование, совместно с Вами, наилучшего использования военно-морского флота для поддержки операции.

14. *Аэродромы.* На Вас возлагается задача захвата и расширения аэродромов. Уже существующие аэродромы указаны в приложении З. Известно также, что районы, указанные в приложении И, пригодны для расширения аэродромной сети; однако можно ожидать, что предпринятая Вами разведка вскроет другие подходящие районы. Первые аэродромы должны быть готовы к приему самолетов в течение 48 часов с момента высадки первого эшелона десанта.

15. *План дезинформации противника.* План дезинформации приведен в приложении К. Меры по распространению сведений, содержащихся в Вашем подробном плане дезинформации, будут приняты штабом верховного командования экспедиционных сил.

16. *Отравляющие вещества.* Все должны иметь в виду, что немцы могут прибегнуть к применению отравляющих веществ или других форм химической войны. В этом случае Вам разрешается со своей стороны применить ОВ. Поэтому Вы должны будете представить заявку на необходимые Вам средства химической войны.

17. *Снабжение.* Во Франции местных запасов всякого рода едва хватает для удовлетворения потребностей местного населения. Поэтому в смысле снабжения войск, участвующих в операции, Вы должны рассматривать Францию, как пустыню. Вам надлежит представить заявку на всякого рода предметы довольствия и имущества, имея в виду: чем больше будет Ваша заявка, тем большей отсрочки потребует начало операции.

Снабжение вверенных Вам войск будет производиться со складов передовых баз, расположенных в районе восточнее портов Кан и Шербур. Кан и восточный искусственный порт будут использованы для снабжения английских и союзных войск, за исключением американских. Шербур и западный искусственный порт будут обслуживать американские войска. После освобождения Гавра этот порт станет английской базой снабжения.

В течение первых 90 суток Вы вряд ли сможете пользоваться железными дорогами, но в Ваше распоряжение будут выгружены автотранспортные средства в количестве, достаточном для продвижения армий на 400 миль.

18. *Инженерное имущество.* Вам надлежит также представить заявку на переправочно-мостовое имущество и прочие основные предметы инженерного довольствия, имея в виду, что в начале операции инженерные войска будут выполнять чрезвычайно тяжелую работу по постройке искусственных портов. Имеющиеся данные инженерной разведки приведены в приложении Л.

19. *Карты.* Немедленно после захвата плацдарма будут развернуты полевые склады карт, на которые будут переброшены из Англии запасы карт Франции (в масштабе—1 миля в 1¼ дюйма). На Вас возлагается ответственность за выпуск карт, необходимых для дальнейших операций. В Ваше распоряжение будут предоставлены комплекты негативов 125 000 листов карты на пленке, чтобы печатание 125 000 карт могло быть произведено в действующей армии.

20. Вам предоставляется право по своему усмотрению привлекать к секретной работе планирования операции подчиненных Вам командиров и штабных офицеров, имея в виду необходимость абсолютного сохранения тайны.

21. Свою оценку обстановки, планы, в том числе план дезинформации, если таковой потребуется, а также заявки, Вам надлежит возможно скорее представить верховному командованию экспедиционных сил.

Верховный главнокомандующий
экспедиционными силами союзников
генерал *Д. Эйзенхауер*

Весна 1944 г.

На основе этой общей директивы генерал Монтгомери должен был разработать свой план. Ему пришлось разделить все свои силы на три группы — первый эшелон, главные силы и силы развития успеха. В первый эшелон входили войска, которые должны были высадиться первыми, прорвать германскую оборону и захватить плацдарм. Главные силы состояли из тех войск, которые должны были прибыть на побережье во время второго и третьего приливов и закрепиться на плацдарме. Остальные войска входили в состав сил развития успеха.

Затем генерал Монтгомери, составив полную оценку обстановки, указал каждой армии определенную задачу или ряд задач. Теперь он мог временно передохнуть, так как работа перешла в руки командующих армиями. Те в свою очередь поставили задачи командирам корпусов, а эти последние — командирам дивизий.

На каждой последующей ступени масштаб планирования сокращался, но планы становились все подробнее. Наконец, были поставлены задачи пехотным батальонам, после чего план со всеми его подробностями начал передаваться обратно в высшие инстанции.

Командир батальона, назначенного в первый эшелон десанта, получил от командира бригады примерно следующие указания:

«Ваш батальон высаживается на рассвете на пляж глубиною в 50 ярдов, покрытый твердой галькой. Оборона противника построена на ружейно-пулеметном огне из дотов, расположенных на внешнем краю пляжа, и огне противотанковых орудий, расположенных в тылу и обстреливающих выходы с пляжа. Противник на этом участке пляжа располагает силами до одной роты пехоты при шести противотанковых пушках. Ваша первая задача —захватить участок пляжа, уничтожить доты и позиции противотанковых пушек. Затем Вы должны закрепиться на рубеже, отходящем от берега на 800 ярдов. Войска будут высаживаться в штурмовом снаряжении. Для перевозки батальона выделены следующие десантные суда...»

В этом распоряжении лишь очень кратко изложены указания, которые фактически получал командир каждо-

го батальона. Подлинные документы содержали карты и схемы, на которых были показаны разграничительные линии, а также поддерживающие войска и другие подробности. Однако приведенного примера достаточно, чтобы представить себе, какого рода информацию получали командиры.

Основываясь на полученных указаниях, командир батальона разрабатывал свой подробный план. Он должен был решить, в каком порядке будет высаживаться его батальон, что ему надо брать с собой и что можно оставить, в каком порядке грузить на десантные суда снаряжение и имущество.

После уточнения всех подробностей командир батальона превращал свой план в статистические сведения. В одной таблице он указывал точное распределение личного состава и снаряжения по десантным судам, время высадки (с точностью до минут и секунд!) с каждого судна и другие технические сведения. Это называлось «таблицей высадки». Взяв за основу такие таблицы, служба управления движением составляла свои «таблицы погрузки», которые позволяли ей грузить части и подразделения в надлежащей последовательности.

План со всеми подробностями передавался вышестоящему органу. Каждый начальник составлял сводку планов своих подчиненных и затем пересылал ее в следующую инстанцию. В конце концов подробные планы поступали в отдел планирования штаба группы армий, который и согласовывал их.

Теперь планировщики снова вступали в свои права. Они имели в руках таблицы, где были указаны место груза, и каждый солдат и предмет снаряжения, подлежащие погрузке. Далее предстояло распределить суда между портами и погрузочными дорожками, чтобы обеспечить бесперебойную отправку войск. Копии этих сведений в виде таблиц погрузки передавались службе управления движением.

В этот период вопрос о наличии тоннажа снова явился камнем преткновения. Имевшихся транспортов и десантных судов нехватало на то, чтобы обеспечить специально выделенными судами все подлежащие перевозке войска. На это могли рассчитывать только части пер-

вого эшелона и главных сил. Войска группы развития успеха должны были довольствоваться теми судами, которые останутся после неизбежных потерь при перевозке первых двух эшелонов. Исчисляя потери в тоннаже, мы брали цифру в 40% десантных судов и транспортов при перевозке и высадке первого эшелона. Эта цифра свидетельствует о том, как серьезно смотрели мы на предстоящую операцию и на какие потери готовы были итти. Правда, не все суда, потопленные противником, имели бы на борту войска, но если бы в первый день операции мы потеряли 40% судов, то, несомненно, погибло бы 25% войск первого эшелона. Фактические потери в первый день операции были значительно ниже, как и последующие потери, которые тоже учитывались. Благодаря этому перевозка войск группы развития успеха происходила несколько быстрее, чем было запланировано.

Однако вернемся к стадии планирования. Самое большое, что могли сделать штабы, — это твердо зафиксировать тоннаж для перевозки первого эшелона и главных сил. Перевозки в течение первых семи дней были запланированы во всех подробностях. Для последующих мы установили только очередной порядок отправки частей, так как заранее выделить под них определенные суда было нельзя. Единственным выходом явилось создание контролирующих органов, в задачу которых входило распределение войск по судам в дальнейшем ходе операции. Были созданы два таких органа: управление оборотом судов, ведавшее выделением судов под перевозки, и управление перевозками группы развития успеха, занимавшееся распределением войск по судам. Вторая организация входила в службу управления движением, являясь последним звеном в цепи ее органов. Сведения о намеченных перебросках войск непрерывно поступали отсюда в органы службы управления движением в военных округах, и на основании этих сведений войска направлялись в пункты погрузки.

На схеме 5 показана общая организация службы управления движением. Направо отмечены органы этой службы на побережье, ответственные за погрузку войск. Они действовали независимо от нормальных органов

службы в военных округах и подчинялись непосредственно начальнику управления передвижениями. Таким образом, ответственность органов службы, находившихся в военных округах, прекращалась в тылу районов погрузки.

Совершенно ясно, что обработка огромного материала, полученного в виде подробных таблиц погрузки и высадки, и превращение его в плановые таблицы пере-

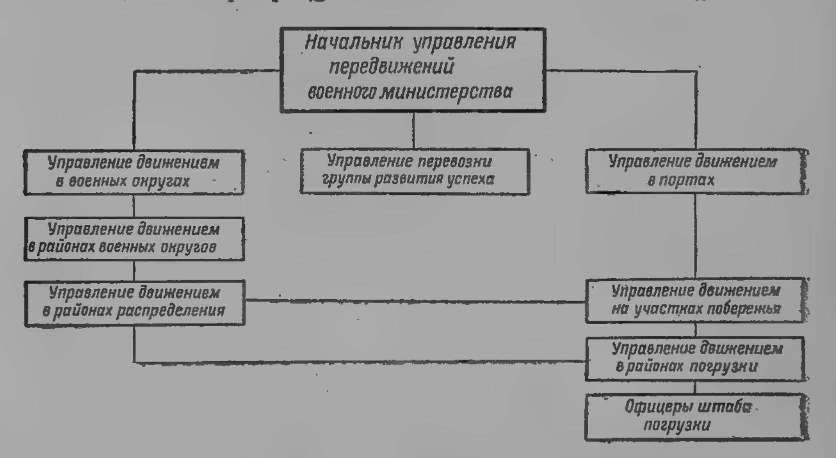

Схема 5. Схема организации службы управления движением в Англии

движения заняли много времени. План был выработан и утвержден за несколько месяцев до начала вторжения. За последние два месяца в него пришлось внести много поправок, но все же общий план оставался неизменным с начала 1944 года. Одного этого обстоятельства довольно, чтобы понять необходимость строжайших мер для сохранения тайны.

Признаюсь, что порядок передвижения войск был утвержден за много недель до того, как я узнал об этом. Много часов просидел я на небольшом сейфе в штабе службы управления движением, не подозревая, что сижу на боевом расписании и таблицах высадки войск первого эшелона; я узнал об этом только после начала вторжения. Нельзя без волнения читать первую запись в таблицах высадки. Эта запись указывает точное время, когда первый из миллиона освободителей должен был

ступить на французскую землю. Я часто спрашивал себя, высадился ли этот солдат точно в назначенное время, и впоследствии узнал, что он опоздал на 4 минуты! Нелегко было охватить своим воображением всю массу цифр и данных, содержавшихся в плановых таблицах. Насколько же труднее было претворить в действительность план вторжения!

Еще одно объяснение. Я упоминал о районах сосредоточения, которые должны были находиться не далее чем в 200 милях от пунктов погрузки. Не следует думать, что каждому району распределения соответствовал отдельный участок района сосредоточения. Для всех имелся только один общий район сосредоточения, с любого участка которого можно было перебрасывать войска в любой район погрузки. Конечно, соединения были сосредоточены возможно ближе к районам распределения, через которые было намечено пропустить их. Однако наблюдалось много исключений. Например, часть канадской армии, не входившая в состав первого эшелона, была размещена в самой оконечности графства Кент, напротив Па-де-Кале. Сосредоточение это не укрылось от немецких разведывательных самолетов; впрочем, в наши намерения и не входило скрывать от них присутствие канадцев в этом районе Англии! В результате крупные германские силы оставались в департаменте Па-де-Кале долгое время после начала вторжения, между тем как канадцы дожидались своей очереди погрузки в портах, расположенных более чем в ста милях западнее.

Представим себе ход мысли немцев. Нормально канадцы были расквартированы в Сассексе и Саррее; они осуществили нападение на Дьепп; вдоль всего побережья Кента под объективами немецких телефотоаппаратов сооружались погрузочные дорожки. Затем канадцы передвинулись в районы сосредоточения вблизи этих пунктов погрузки. Наконец, на всех дорогах, ведущих в районы распределения, которые были использованы во время маневров в прошлом году, появились бросающиеся в глаза дорожные указатели. Все эти признаки могли означать только одно из двух: либо канадцы должны произвести главный десант из Дувра в Кале, либо они предназначаются для вспомогательного удара по Па-де-

Кале, когда главный удар будет нанесен в другом месте. В действительности ни того ни другого не случилось. Но нельзя упрекать немцев, если они думали, что их разведка хорошо поработала!

Все эти варианты были безусловно необходимы и смело задуманы, но, с точки зрения службы управления движением, единственным последствием их было огромное усложнение всякой переброски войск. Они вызвали во многих случаях перекрестное движение, что потребовало очень тщательно разработанных плановых таблиц во избежание встречи колонн. Был день, когда более чем трем тысячам машин, принадлежавших армиям трех государств, пришлось проходить группу перекрестков в трех направлениях. Мы поехали посмотреть на это движение, так как оно явилось окончательной проверкой всей нашей бумажной работы. Все шло, как по волшебству: колонны проходили, каждая своим маршрутом, с точностью часовой стрелки. В течение восьми часов перекрестки были почти все время заняты, но ни одной задержки не произошло. К концу дня регулировщики совершенно обессилели, но мы убедились, что и после этого никаких затруднений не будет или во всяком случае не произойдет ничего такого, чего нельзя было бы исправить.

В последней главе я упомянул о нескольких забавных происшествиях. К чести службы управления движением, надо сказать, что этим и ограничиваются инциденты, имевшие место во время переброски почти 300 000 машин и артиллерийских систем.

ГЛАВА VI

Акт I. На сцене появляются планировщики

ЗАДАЧИ ВОЕННЫХ ОКРУГОВ МЕТРОПОЛИИ

На ранней стадии планирования военное министерство решило, что едва ли будет можно составить подробный общий план расквартирования, питания и перевозки армий вторжения. В соответствии с этими соображениями, ответственность за разработку подробностей была возложена на военные округа метрополии. Военное министерство намечало лишь основную линию действий, а округа проводили в жизнь эту линию, причем каждый разрабатывал план в деталях с учетом своей специфики.

Это был урок искусства децентрализации, который был усвоен военными округами лишь в результате горького опыта. Вначале существовала тенденция создавать слишком подробные планы в высших инстанциях, что вело к уничтожению инициативы низших соединений. Но во время первых же учений эта ошибка дала себя чувствовать, когда штабные офицеры высших инстанций были вынуждены отвечать на огромное количество запросов. Этого никогда бы не случилось при достаточной децентрализации дела.

Итак, ответственная задача, возложенная на округа, получила свое выражение в планах, составленных в соответствии с решениями начальников службы тыла округов.

Незадолго до дня вторжения я посетил другие округа, чтобы посмотреть, нет ли каких-либо упущений в плане нашего округа. Я был поражен разнообразием подхода к организационным вопросам операции. Не было таких двух округов, где бы в планах имелись

общие детали, хотя в основном планы, естественно, были идентичными. Разработка каждого из них носила на себе следы характера штабных работников данного округа. Это был редко представляющийся случай для оценки своих коллег по результатам их работы.

К счастью, во всех округах решение было одинаковым. Отправляющиеся на операцию войска не могли пожаловаться на недостаток усилий, затраченных для обеспечения их всем необходимым. А я получил урок, как вредно быть догматичным в выборе методов. Совершенно очевидно, что нет такого метода решения задач, который являлся бы абсолютно правильным, но я не сознавал этого, погруженный в детали плана, который вырабатывался моим штабом. Я гордился своей объективностью, но в результате слишком близкого и продолжительного знакомства со своим планом приобрел узкий, ограниченный взгляд на вещи. В самом деле, это был полезный урок!

Однако очень многое случилось до того момента, когда стало возможным совершить эту поездку для знакомства с исходным районом вторжения. Об этих днях подготовки я и хочу теперь рассказать.

Подробные планы вторжения на континент появились впервые в 1942 году. В продолжение этого года были организованы пробные лагери и пропущено через них небольшое число войск. Составлялись расписания погрузки и высадки, репетировались детали реальной операции. Все это дало много полезных уроков, и сейчас я не могу без улыбки вспомнить первую административную инструкцию, предписывающую методы проведения операции. Эта инструкция была напечатана на нескольких листах бумаги и содержала около 65 параграфов. Авторы ее, очевидно, считали, что совершили нечто грандиозное и в этом документе решительно ничего не могло быть упущено.

Спустя несколько месяцев мне пришлось заниматься планированием вместе с одним из офицеров, принимавшим участие в разработке этой инструкции. Он сказал мне: «Конечно, мы уже сделали это все на учении в С...» Он был искренне удивлен, что приходится возвращаться к работе, уже выполненной однажды.

В конце концов был утвержден окончательный вариант административной инструкции по проведению операции. Он состоял из 56 разделов и более тысячи параграфов, не считая дополнительных карт, чертежей, таблиц и приложений! Это было довольно значительным увеличением по сравнению с 65 параграфами первой инструкции.

Как бы то ни было, уже в 1942 году были выработаны основные черты организации обучения войск. В результате тайной разведки наметились места для лагерей, и таким образом появился на свет остов новой организации.

Летом 1943 года темп ускорился. Высшие штабные офицеры постоянно исчезали из штаба, уезжая в длительные командировки. Лишь несколько избранных людей знало результаты их поездок. Началась интенсивная работа, не прекращавшаяся и по ночам. Одновременно начал проявляться повышенный интерес к десантным операциям.

Часто проводились учения, на которых выяснялись методы обеспечения войск на европейском театре. Всем офицерам штаба округа надо было познакомиться с делом обеспечения войск на континенте при отсутствии железных дорог и морских портов. Все учения были построены, исходя из той предпосылки, что железные дороги и порты не смогут нормально функционировать около трех месяцев. Но как же можно доставить достаточное количество грузов и снаряжения, не имея портов? Как можно перевезти эти грузы для огромной армии вторжения без железных дорог? Можно с уверенностью сказать, что если бы два года назад любого командира войск союзников спросили: «Можно ли обеспечить всем необходимым два миллиона людей на каком-либо театре военных действий, не имея железных дорог и морских портов?», он ответил бы: «Конечно, нет».

История показала, что эти учения, теперь уже полузабытые, были ближе к истине, чем мы тогда думали. А в тот момент многие из нас считали, что мы блуждаем в потемках.

Мы изучили весь комплекс действий корпуса десантных войск. Во-первых, нужно было организовать

войска в Англии. Следующей задачей являлась переброска их через Ла-Манш с захватом плацдарма. Затем этот плацдарм необходимо было расширить и превратить в прочную опорную базу. И, наконец, следовал прорыв в сравнительно незащищенную страну, преследование разбитого противника. Теперь, если бы вас спросили, какая операция является наиболее трудной, что бы вы ответили? Ясно, что организация преследования наиболее трудна, так как тут нужно помнить условие: отсутствие портов и железных дорог.

Мы работали с изготовленными из ткани макетами или рельефными картами той самой страны, по которой теперь уже прошли войска. Случайно или умышленно, но во время этих репетиций мы «высаживались» не в тех пунктах побережья, где позднее фактически высадились наши войска. Иначе наши упражнения были бы настоящей репетицией «большого спектакля».

Макеты из ткани изготовлялись в том или ином масштабе по отношению к полной рельефной карте, которая располагалась на полу макетной комнаты. Эти макеты часто имели размер 30 × 30 футов, и на их изготовление мы затрачивали сутки. Сколько мучений мы испытывали, накалывая мили непокорной тесьмы, изображающей шоссейные и железные дороги, на еще более непокорную парусину!

Сделав необходимые выводы из этих упражнений, мы обратились в середине 1943 года к непосредственно стоящей перед нами задаче. К концу мая планы были разработаны достаточно, чтобы создать отдел планирования снабжения и перевозок. Он был полностью изолирован от других отделов штаба; у дверей тех помещений, где занимались планированием, была выставлена охрана из солдат военной полиции. Ни одно лицо, не имевшее непосредственного отношения к планированию, не могло войти в эти помещения.

Все черновые бумаги рассматривались как «совершенно секретные» документы. Они складывались в два мешка для почты, висевшие на крючках у входа в комнаты переписчиков. Было ли хорошей приметой то, что один из этих мешков был немецким и имел надпись «Гамбург»? Это был старый немецкий почтовый ме-

шок. Как много бы дал Гитлер за то, чтобы хоть один такой мешок, наполненный черновиками, был отправлен в Гамбург!

В моем округе для планирования было выделено шесть офицеров, причем двое из них имели еще дополнительные обязанности. Два офицера составляли оперативную сторону плана, а также занимались согласованием всего плана. Для составления первого проекта нам дали пять дней. Через пять дней проект был готов, но за это время никто из нас не отдыхал: мы работали, пока не одолевал сон; засыпали, сидя за работой, просыпались и вновь продолжали трудиться.

В течение следующего года я не знал ни секунды покоя. Не переставая я задавал себе все те же вопросы: «Что я забыл? Оправдает ли себя наш план? Нет ли в плане какой-нибудь бессмыслицы? Когда намечен день вторжения? Где мы будем высаживаться?» Сотни вопросов, подобные этим, интересовали и широкую публику, но для меня они представляли жизненно важный интерес. Будучи небольшим винтиком машины, я располагал лишь теми сведениями, которых было достаточно, чтобы делать свое дело. В целях сохранения тайны мне еще нельзя было знать ни даты начала вторжения, ни приблизительных сроков окончания составления плана. Я постоянно испытывал страх, что план не будет готов во-время. В этом состоянии я находился непрерывно в течение тринадцати месяцев, а в последние три месяца это буквально приняло форму душевных мук.

Что же представляла собою та задача, которая была поставлена перед нами? Она сводилась в основном к следующему.

При получении первоначальных инструкций нам сказали, что намеченные порты и пункты высадки должны принимать ежедневно максимальный поток войск и машин. Число дней, в течение которых поток мог продолжаться, не было установлено; это могли быть десять или сто дней (фактически было более ста дней). Кроме того, мы должны были обеспечить расквартирование 500 тысяч солдат в районе сосредоточения, находящемся в границах действия округа.

На этих двух факторах основывалось все наше предварительное планирование.

Однако оставалось очень много невыясненных вопросов. Какому числу людей из войск округа придется покинуть квартиры, где они сейчас живут? Какова будет окончательно максимальная численность войск в округе? Как можно расквартировать дополнительные войска наряду с уже имеющимися в округе? Максимальная численность войск округа была 600 000 человек, причем половина из них была назначена для районов распределения и погрузки и, следовательно, не подходила для сосредоточения.

Эта проблема повлекла за собою необходимость разметки районов расквартирования на карте, и нам пришлось привлечь к работе двух чертежников, ибо в противном случае штабные офицеры проводили за этой работой полдня и почти всю ночь.

Положение еще более осложнялось тем, что один офицер, подробно знакомый с вопросами расквартирования в пределах округа, не мог быть нам полезен, как не включенный в штат планировщиков. А он тем временем с легким сердцем выделял и отбирал назад помещения, не подозревая, что мы через его голову перераспределяли в большом числе все жилые помещения округа, нарушая результаты его двухлетней, тщательно продуманной работы. Планы организации районов распределения были еще в зачаточном состоянии, а порядок движения не намечен. Это означало, что большие прибрежные участки предназначаются для распределения войск, и в результате для района сосредоточения остается чуть больше половины территории округа.

Все было запланировано «согласно уставу». Переднюю границу района сосредоточения провели на значительном удалении в тыл от районов распределения, чтобы избежать излишней густоты размещения. Весь район разделили на несколько жилищных массивов или блоков. В каждом блоке должно было размещаться приблизительно по пяти тысяч человек. Первый план был послан в районы и немедленно вернулся оттуда в почти неузнаваемом виде. Когда мы внесли необходимые поправки, он принял совершенно другой вид.

Однако нужно сказать, что впоследствии план расквартирования перечерчивался еще не менее пяти раз. Но тогда мы этого не знали и, смотря на карту, думали, что с одной большой задачей уже покончено. Мы не знали, что этот «окончательный» план уже через месяц будет не более чем воспоминанием. Не предполагали мы также, что в один прекрасный день военное министерство потребует, чтобы мы разместили более 700 тысяч человек в районе, куда с трудом втиснулось 600 тысяч.

Район сосредоточения после временной разметки потерял для нас свою важность. Здесь подразделения жили обычной жизнью и не доставляли нам лишнего беспокойства. По крайней мере тогда нам так казалось. Гораздо более сложно получилось с районами распределения, где временных обитателей надо было обслуживать, как в гостинице.

С самого начала были поставлены два условия. Во-первых, районы распределения должны быть полностью замаскированы, чтоб не возникало ни малейшего подозрения, что там собраны войска. Во-вторых, войска должны получать «королевское питание», пока они там находятся. Ведь им надо отбыть на операцию в блестящем боевом и моральном состоянии.

Пожалуй, это звучит просто. Но так ли это просто на самом деле? Нельзя было слишком удалять лагери один от другого, ибо в этом случае командиры подразделений теряли контроль над своими людьми. С другой стороны, лагери нужно было полностью укрыть. Значит, для каждого отдельного лагеря требовалось какое-то равновесие между рассредоточением и задачами маскировки. Все палатки и постройки окрашивались до строительства. Принимались жесткие меры, чтобы предотвратить образование тропинок на полях.

По мере быстрого роста лагерей аэрофотоснимки показывали, что они хорошо замаскированы. Но когда в лагерях появились люди, девственные поля покрылись множеством струек дыма от кухонных печей. Пришлось ставить опыты по использованию различных типов бездымного топлива.

Затем от нас потребовалась способность принимать такие трудные решения, которые заставляли вспомнить о мудрости Соломона. По причинам, излагаемым ниже, войска, расквартированные в районах распределения, должны были сами стирать себе белье. Но ведь стоило вывесить это белье на солнце, и появлялись ряды «сигнальных полотнищ». Трудно ли было противнику установить в этих условиях, где находятся районы распределения?

Одно время эта проблема вылилась в альтернативу: или никакой стирки, или «коричневые полотенца». Если бы к концу планирования не случилось нечто, исправившее положение, я боюсь, что людей пришлось бы снабжать коричневыми полотенцами, так как выход — «никакой стирки» был явно неприемлем.

Нельзя сказать, что эти вопросы ставили нас втупик; мы бодро продолжали составлять планы. Но больные вопросы явились теми ножами, которые проделали впоследствии большие дыры в нашем плане. Не проходило дня, чтобы в «колеса» не вставлялись новые палки. Часто изменение одного небольшого пункта означало переделку полудюжины крупных планов.

Два месяца подряд мы трудились, формулировали, уничтожали сделанное и переделывали заново, и вот, наконец, нам показалось, что уже нет ни одного упущенного фактора. Все, что могло находиться в пределах человеческой изобретательности, было вложено в план. В процессе работы и другие факторы, определяющие планирование, обрисовывались более четко. Основные очертания плана были готовы, но еще много оставалось сделать. И все же к концу июля 1943 года мы были достаточно оптимистичны, чтобы чувствовать себя готовыми ко дню вторжения.

Мне кажется, что нас следовало бы при помощи какого-либо шифра предупредить, что это не является настоящей операцией, но никто из нас не хотел верить, что это что-нибудь другое, а не подготовка к фактическому вторжению.

По мере того как наблюдался рост лагерей и материальных складов, я проникался все большей уверен-

ностью, что ничто не может испортить это предприятие. Это было солидное, реальное, тщательно и любовно выпестованное и подготовленное дело.

Летний воздух был проникнут духом приключений, и я разъезжал по сельским местностям Англии, решая ежедневно новые и новые проблемы. Где расположить склад горючего для данного района? Что могло быть лучше, чем то место, где происходило сражение под Гастингсом? И я разместил там склад. Не бродили ли тени Гарольда и Вильгельма-Завоевателя по полю давнего сражения, удивляясь, что за новый и странный запах стелется по низинам?

Что могло быть удобнее для района посадки, чем тот пункт, где Де-Райтер и голландский флот повернули обратно после их дерзкого путешествия вверх по Темзе в 1667 году? Там я организовал несколько участков для посадки, и посадочные мостки скоро начали терять свежий вид, омываемые волнами Темзы.

Легенда говорит, что это место было тем пунктом, дальше которого не проникли голландцы во время их последнего вторжения в Англию. В это чудесное местечко я послал портовый отряд впредь до дня нашего вторжения.

Можно ли было подобрать более удобное место для размещения штаба войск вторжения, чем скалы Кента? Там, на той стороне Ла-Манша, засел враг, ясно видимый в хорошую погоду. Здесь под моими ногами я слышал шум машин и работу сверл, выгрызающих помещение для подземного штаба.

Любопытно, знали ли немцы, что мы строили там эти большие помещения для штаба? Их ультрамощные фотоаппараты были наведены на невинно выглядывавшие стены скал. Сумели они что-либо узнать о том механическом улье, который гудел под землей?

Даже в диких болотах вокруг Сэнк Портс (Cinque Ports) была такая активность, которая по странной прихоти судьбы могла бы спасти от забвения Винчелси и Рай, бывшие портами до ухода моря с этих мест. Вдоль этих болот и морского берега были укрыты портовые средства и сооружения, представляющие со-

бой последнее слово техники. Полностью оборудованные подвижные порты были доставлены сюда на всех видах транспорта и спрятаны по частям вдоль берега. Крошечные гавани и шлюзы скрывали сооружения, которым вскоре надлежало быть установленными на берегах Нормандии. Это был результат изобретательности и техники. Это было воплощением того самого, что проделывалось в наших упражнениях на макетах из материи.

Специальные отряды для строительства портов были одним из многих сюрпризов, имевшихся в запасе для немцев. Особые группы инженерных войск с готовыми конструкциями, известные под названием «Мюльберри», могли за одну ночь превратить пустой берег в современный порт.

История повторилась, хотя и в обратном порядке, на Ромнейских болотах. Это было излюбленное место контрабандистов, а сейчас Ромнейские болота стали свидетелями контрабанды, которая на этот раз шла не з страну, а из страны. Здесь же расположилась 8-я американская воздушная армия, чтобы организовать возможно ближе к противнику аэродромы для своих истребителей. Все лето воздух над лагерями, расположенными по восточному берегу, дрожал от гула самолетов.

По сельским дорогам тянулась медленно двигавшаяся пехота. Она вырабатывала все большую выдержку и выносливость в длительных и трудных маршах. На Саут Даунс танки всех видов и размеров сталкивались в примерных сражениях; шум их моторов походил на непрерывный барабанный бой и раздавался постоянно, днем и ночью. Короткие очереди пулеметного огня, перемешиваясь с более тяжелыми ударами танковых и противотанковых пушек, раздавались и откликались эхом до самого моря. Темнота ночей разрывалась ливнями трассирующих пуль, описывавших параболы на ночном небе.

Организация управления движением расположенная вдоль южного и восточного берегов, готовилась к величайшему испытанию.

И в самый разгар этого всеобщего возбуждения был получен приказ. В нем указывалось, что кодовое сло-

во, обозначающее наше планирование, потеряло силу. Вместо него назначено новое — «Упражнение Арлекин». Степень секретности снижается с «совершенно секретно» до «секретно».

Я чуть не плакал. Так, значит, все наше планирование имело целью это проклятое упражнение?

Офицеры-планировщики, которые неделями трудились, запираясь на ключ, заметно пали духом; интерес к работе упал, и настроение начало подниматься вновь лишь тогда, когда началась детальная работа по проведению упражнения.

Среди нас имелись такие, которые верили, что слово «упражнение» — это двойной блеф и что тут все-таки пахнет настоящей операцией. Я знал лучше, потому что некоторые мероприятия, необходимые для настоящего вторжения, не были проведены, и было ясно, что час настоящего вторжения еще не наступил. Вскоре выяснилось: несмотря на то, что планирование было очень тщательным и подробным, все же осталось много работы, чтобы свести концы с концами. Необходимость проведения репетиции обнаружилась с полной ясностью.

Сосредоточение войск началось почти немедленно. Большое число их могло остаться в районах своих стоянок, и в этом случае организация передвижения отпадала. Другие войска прибывали к местам, назначенным по плану, из отдаленных районов страны. Понемногу в намеченные для использования порты стали по два и по три просачиваться десантные суда. Большинство их носило яркую маскировочную раскраску Средиземноморского театра, многие имели боевые шрамы и пробоины.

Посадка должна была продолжаться только один день, но соединениям предстояло в течение еще двух дней двигаться через районы распределения и посадки. Однако, достигнув пунктов посадки, они вместо погрузки на суда начинали двигаться дальше и рассредоточиваться.

Мы с удивлением обнаружили, что рассредоточение какого-либо соединения влечет за собой гораздо боль-

ше трудностей, чем движение для погрузки. Этот пункт не был предусмотрен в плане, и жилые помещения не только оказались полными до предела, но и переполнялись в ряде мест.

Когда мы вплотную столкнулись с трудностью найти частные жилища для нескольких тысяч разных подразделений после их рассредоточения, было предложено более простое решение вопроса. Этим решением явилось возвращение всех войск в те пункты, откуда они прибыли, путем некоего кругообразного движения: дом — лагери распределения — пункты посадки — дом.

Это тоже имело свой недостаток. Ведь квартиры войск, переброшенных в районы распределения за несколько дней до условного дня вторжения, были уже заняты другими войсками. Эти части согласно плану должны были отправиться в районы распределения на два дня позднее. Значит, проделав упражнение, войска не могли вернуться на свои старые квартиры. Мы обошли это препятствие, установив размещение войск в бивуаках на 48 часов, после чего они возвращались на свои старые квартиры.

Войска, прибывшие в округ для участия в упражнении, были немедленно рассредоточены по своим стоянкам в других частях страны, и через неделю обстановка стала вновь нормальной. Но, можно себе представить, чего это нам стоило!

В течение долгих ночей перед условным днем вторжения мы изучали таблицы погрузки, которые нам дало войсковое соединение, в данном случае 2-я армия, расположившая свой оперативный штаб в подземных помещениях утесов. Такой же штаб был организован на южном берегу для войск, проходящих через районы посадки в южном округе. Таблицы погрузки страница за страницей подвергались анализу и превращались в таблицы движения.

Как я уже объяснил раньше, таблица погрузки была расписанием войскового соединения для погрузки своих подразделений и групп волнами по определенным секторам берега. Это видно на следующем примере.

День вторжения + 1 день, первый прилив	*СЕКТОР НЬЮХЕВН*
Батальон Королевского шотландского полка	800 чел., 150 машин

Исходя из таких скудных сведений, служба управления движением должна была разработать график, по которому этот батальон двигался бы от места сосредоточения до выделенного ему лагеря в районе распределения. Все расчеты времени следовало согласовывать, и часто случалось, что подразделения, двигающиеся к порту, пересекали маршруты одно другому. Именно здесь выступали на сцену регулировщики. Точный график движения имела каждая колонна, а посты регулирования расставлялись так, чтобы обеспечить выполнение графика. Дорожные заторы, особенно в передовых районах, не допускались. Движение гражданского транспорта, а также большей части военного, не связанного с действиями соединения, должно было поддерживаться по возможности на нормальном уровне. Большие участки земли вокруг районов распределения были объявлены запретными зонами и охранялись полицией. Для машин разработали систему знаков, указывающих на очередность, чтобы пропускать в первую очередь машины, необходимые для успешного исхода упражнения.

Требовалось поддерживать тесную связь с местными гражданскими властями, которые были полностью информированы о происходящих передвижениях. Гражданская полиция содействовала нам, выделяя патрули. Был составлен список движения важного транспорта, и гражданские машины получали право двигаться в ту или иную очередь, судя по важности их назначения. Вне всякой очереди пропускались группы по ремонту телефонов, потому что поддержание связи являлось важнейшим условием выполнения плана.

Гражданские пожарные машины тоже пользовались правом внеочередности: в случае бомбардировки с воздуха пожарники тоже выполняли бы важнейшую работу. Города, расположенные на побережье, были особенно подвержены нападению с воздуха, и некоторые из них пострадали. Гражданские санитарные машины получали привиле-

гию двигаться против движения по тем дорогам, где была разрешена езда только в одну сторону в целях избежания заторов.

В каждом районе распределения была намечена сеть дорог с движением в одну сторону. Имелись тысячи дорожных знаков, появившихся на дорогах, как грибы, за одну ночь.

Едва только весь механизм начал действовать, важность службы управления движением становилась все более и более очевидной. И все же задачам равномерности и упорядочения потока войск всегда противостояла необходимость погрузки войск в состоянии высокой боеспособности. Эти два соображения зачастую требовали диаметрально противоположных мер. Чтобы найти правильное решение, различные отделы штаба должны были обладать величайшим терпением, доброй волей, взаимным пониманием задач.

Тот факт, что в конце концов планы удовлетворяли обоим требованиям, говорит многое о способности англичан к компромиссу.

На ранних стадиях планирования наблюдалась постоянная борьба за возможность использования дорог. Например, разрабатывалась такая схема движения, которая с точки зрения ее авторов была идеальной для переброски по наиболее легким и доступным маршрутам вплоть до пунктов посадки. Остальные работники штаба начинали спорить, говоря, что эти маршруты не годятся для подхода к сооружениям распределительных районов, а определенные маршруты надо резервировать для машин личного состава, руководящего операцией.

Составлялся новый набросок, и после долгих споров и труда появлялся компромиссный план. А на следующий день люди убеждались, что и этот новый план не годится, так как местонахождение сооружений и устройств изменилось, требуются другие маршруты для машин руководящего состава.

Нужно было иметь нечто большее, чем терпение, чтобы видеть, как результаты труда шести или семи недель превращались в дым только потому, что какой-либо один фактор изменился или не был полностью учтен в первоначальном плане!

Кроме всего этого, следует учесть, что мы имели в своем распоряжении ограниченное число людей и машин, да и они могли быть использованы неполностью. Один неудобный маршрут для штабных машин, требующий, скажем, объезда длиною в 20 километров, вполне мог расстроить всю схему движения транспорта. У нас не было никаких излишков в людях и машинах. Имелись лишь небольшие стратегические резервы. Поэтому вмешательство противника или серьезные неполадки в выполнении плана могли поставить нас перед неразрешимыми проблемами.

Один по-настоящему тяжелый момент мы пережили за несколько дней до условного дня вторжения. Отдел управления движением начал говорить что-то такое об уничтожении подрайона приема и превращении его в четвертый подрайон распределения. В то время в каждом распределительном районе имелось три подрайона распределения и один подрайон приема. Первые представляли собой лагери, в которых войска получали полное обслуживание, как в гостинице. Подрайон приема был тем местом, куда вступали войска. Они получали там чашку чаю и двигались дальше. Это была временная остановка, благодаря которой появлялась возможность упорядочить вступление войск в подрайоны распределения.

Поскольку отдел управления движением намеревался превратить подрайон приема в распределительный, нам пришлось бы увеличить штат обслуживающего персонала на одну треть. Но мы уже и так достаточно истощили резервы страны, комплектуя людьми существующие районы, и это, на первый взгляд, простое изменение могло явиться той последней соломинкой, которая переломила бы спину верблюду. Однако превращение было отсрочено, и подрайон приема продолжал существовать.

Затем, за один день до предстоящей демонстрации начальник тыла решил, что подразделения должны находиться в подрайоне приема гораздо дольше, чем это было раньше предусмотрено, и потребовал организовать для них там полное питание.

Конечно, мы справились с задачей путем спешной импровизации, причем отклики работников питания не поддаются напечатанию. Повара перебрасывались из одного

лагеря в другой, подвозилось топливо, заработали старые и построенные за ночь кухни. На заре новые «отели» были полностью укомплектованы обслуживающим персоналом и ждали «посетителей». В результате этого выяснилось, что поваров было явно недостаточно и они не смогли бы выдержать подобное напряжение еще одну неделю. Им пришлось обслуживать посетителей в течение круглых суток, в то время как штат был рассчитан только на 12 часов работы.

Тем временем началась посадка штурмовых отрядов десанта на суда. На расстоянии всего 20 миль от противника, в Дувре, Диле и Фолькстоуне проводилась погрузка. Целая стая миноносцев и мелких военных кораблей непрерывно несла дозорную службу вблизи побережья.

Проведенное в самую последнюю минуту изменение планов потребовало погрузить на суда подразделение зенитчиков вместе с их материальной частью.

Я никогда не забуду картины выхода всей армады из портов на побережье Ла-Манша — на расстоянии менее 15 миль от артиллерийских позиций противника. День начала демонстрации был прекрасен. Дымки над морем не было, и стволы зенитных пушек, направленных в небо с палуб десантных судов, были отчетливо различимы. Сероголубые миноносцы сновали вокруг десанта. Они подходили даже на расстояние нескольких миль к французскому побережью, что было наибольшей дерзостью из всего, виденного мною прежде. В течение двух дней 12 или 13 миноносцев крейсировали в районе Па-де-Кале, причем немецкие артиллеристы, засевшие в утесах Кале, долго не подавали никаких признаков жизни.

Трудно подобрать слова, чтобы рассказать, насколько дерзкой была эта демонстрация миноносцев. Наконец, терпению немцев пришел конец. Начался артиллерийский бой между берегом и кораблями. Однако союзные миноносцы продолжали свои действия, пока последняя колонна десантных судов не скрылась из виду в направлении Дунгенесса.

Если не считать нескольких выстрелов, сделанных по нашим миноносцам, единственным проявлением активности противника был бесконечный поток его разведывательных самолетов. Можно быть уверенным, что они тща-

тельно следили за нашими действиями на протяжении всех этих дней. Хотя передвижения войск хорошо регулировались, противнику, видимо, удалось зафиксировать расположение лагерей и создать довольно ясную картину наших планов.

В свете последующих событий сведения, полученные противником, приобрели совершенно особое значение, а излишнее, — как могло показаться вначале, — афиширование нами своих планов сыграло впоследствии важную роль. Можно утверждать, что немецкое командование во Франции не было обмануто нашей демонстрацией. Гораздо более тонкий блеф и контрблеф проводились в это же время совершенно скрытно.

Как мы могли заметить, время учений, о которых идет речь, совпадало с началом вторжения в Италию. Демонстрация нашей мощи в Па-де-Кале, казалось, должна была сковать немецкие дивизии во Франции. Однако ничего подобного не произошло. Пока мы были заняты этой шумной демонстрацией, немцы перебрасывали семь своих лучших дивизий из Франции в Италию. Иными словами, это было одно очко в пользу немецкой разведки.

Если судить по сведениям нашей собственной разведки, могло показаться, что в этом «поединке умов» немцы действительно взяли верх. Но так ли это? Краткий ответ на вопрс будет гласить, что немцы действительно правильно интерпретировали наши замыслы, и наш блеф был слишком претенциозен и слишком прост.

Но,—и это очень важное «но»,—когда настал действительный день вторжения, основные силы немецкой обороны были сконцентрированы в Па-де-Кале, в то время как наш удар обрушился на Нормандию. И более того, на протяжении решающих первых дней высадки, когда мы накапливали крупные сухопутные силы в Нормандии, немцы продолжали цепляться за Па-де-Кале в силу причин, указанных мною в последней главе. Военные обзоры, которые делались немцами в печати и по радио в первые дни после начала вторжения, показывали, что противник все еще ожидал высадки у Па-де-Кале. Этот страх, и только страх, сковал значительные силы немцев у Па-де-Кале, что дало возможность бить их по частям!

Немцы считали, что они добились тактического успеха во время наших учений в сентябре 1943 года. Июнь 1944 года показал, какой ценой пришлось им платить за этот успех.

Мы, планирующие вторжение, не знали всего этого. Мы возмущались отсутствием согласованности в действиях, когда наши тщательно скрываемые планы были сорваны совершенно неожиданным прибытием к южному берегу Англии 30 тысяч бойцов гражданской обороны. Газеты шумно протрубили про этот факт, и скрытность действий, как мы ее понимали, с этого момента была нарушена.

С нашей точки зрения, были вещи и похуже. Так, например, толпы рабочих копошились на сооружении причальных стенок в центре Дуврской гавани, и над ними не было при этом ни клочка маскировки. Иногда несколько снарядов ложилось поблизости, но работы продолжались в прежней обстановке.

В чем была польза проведенного учения? Я уже говорил о стратегическом аспекте этой операции. Необходимо добавить, что штабы и управления впервые увидели здесь свои планы в действии. В результате появились радикальные изменения в планах. Чрезвычайно много выиграли в результате этой репетиции войска, которым в будущем предстояло совершить высадку. Был обнаружен ряд мелких упущений. И, самое главное, повсюду мы наблюдали недочеты в обеспечении секретности.

Среди прочих фактов выяснилось также, что невозможно скрыть подготовку операции большого масштаба. Скученность и неудобства в полностью скрытых лагерях понижали моральный дух войск. Бездействие в районах сосредоточения также приводило к значительному снижению морального состояния солдат.

Мы предпринимали максимум возможного, чтобы обеспечить наилучшие условия для войск десанта. Был даже организован выпуск специальной газеты для личного состава десанта — первый случай в истории, когда войска, находящиеся в метрополии, имели свою газету. Издавал газету юго-восточный военный округ, эмблема которого — голова тигра, что и определило название газеты: «Тигровые новости».

«Тигровые новости», выходившие всего на двух страницах, сразу же приобрели популярность. Ежедневно печаталось 15 тысяч экземпляров, и работа по изданию газеты должна быть названа блестящей.

Окончательное решение издавать газету было принято лишь за трое суток до выхода ее первого номера. Редакция состояла из одного главного редактора (он же заместитель редактора, он же репортер), одного наборщика, двух линотипистов и трех помощников без строго определенных обязанностей.

Владельцы газеты «Ежедневные новости Сассекса», выходящей в Брайтоне, предоставили в наше распоряжение свои печатные машины, и «Тигровые новости» печатались каждое утро после выхода из машины «Ежедневных новостей». Затем три военные автомашины начинали отчаянную гонку, сбрасывая пачки газет у пунктов снабжения военного округа, где мотоциклисты — представители воинских частей — разбирали их и доставляли в свои части к утреннему завтраку.

Я не знаю, насколько велико было влияние этой газеты на ход описанных выше учений, однако самоотверженная работа небольшого штата редакции и постоянное сотрудничество гражданского штата «Ежедневных новостей» служат ясным свидетельством того, что любая операция, участники которой преисполнены подобной настойчивости и трудолюбия, будет, несомненно, иметь успех.

Небезинтересно проследить за днем нашего редактора (заместителя редактора, репортера). Завтрак — 10.00. Приход в редакцию — в полдень. Следующий час уходил на составление плана газеты на следующий день. Второй завтрак — с часу до двух часов дня. Затем — обратно в редакцию, где начиналась работа над основной страницей газеты. Прежде всего составлялся столбец спортивных новостей, затем — ежедневный юмористический отдел, за ним — основная тематическая статья. Эта статья всегда посвящалась какой-либо военной теме: действия солдат в пустынях Северной Африки, новая система снабжения английской армии и т. д.

Так в течение всего дня составлялась основная страница, которая обычно была готова к 9 часам вечера. Между тем к 7 часам на работу в редакцию являлись пе-

чатники. Материал поступал в набор. В 9 часов (после ужина из рыбы с жареным картофелем) редактор присоединялся к наборщику и следил за набором страницы. К полуночи основная страница появлялась в набранном виде.

Между 12 часами ночи и 2 часами следующего дня отбирались новости за сутки и составлялась первая страница. В основном это были те же новости, что давались на столбцах «Ежедневных новостей», но их удавалось разместить в рамках первой страницы «Тигровых новостей» лишь в результате отбора, сжимания, изменения заголовков и т. п. Около 02.30 утра производился первый оттиск. После его проверки делался оттиск на папье-маше, которое служило для отливки металлических пластин. К трем часам утра начинали работать печатные машины — очередной номер «Тигровых новостей» был готов.

Теперь редактор превращался в заведующего отделом распространения и оставался в этой должности до 04.00, когда последняя машина забирала остатки тиража. К 5 часам утра редактор добирался до постели в гостинице, причем его неизбежно провожал подозрительный взгляд портье, настроенного весьма недоверчиво по отношению к этому растрепанному, измазанному типографской краской офицеру, столь регулярно превращающему ночь в день.

Сон под звуки волн, ласкающих берег у Брайтона, а в 9 часов — стук горничной, принесшей утренний чай, и опять работа... Неплохой курортный отдых на берегу моря!

Так продолжалось в течение трех недель. Три недели — небольшой срок в жизни человека, но после напряженных месяцев работы по планированию труд газетчика оказался последней каплей, переполнившей чашу, и на следующий день после выхода последнего номера «Тигровых новостей» редактор свалился с ног.

Возможно, не столь важно было содержание этой газеты. Но самый факт ее выхода давал возможность воинским частям почувствовать, что перед ними газета, издаваемая военными для военных.

В день вторжения газета вышла, как обычно, и была доставлена читателям, начавшим уже посадку на десант-

ные суда. Один мотоциклист даже свернул с назначенного ему маршрута, чтобы заехать за газетами для своего подразделения. Уже ради одного такого случая стоило затевать выпуск газеты!

На этом описание учений можно закончить. Позже мы провели опрос по военным округам и, руководствуясь полученными сведениями, выявили все слабые стороны планов, приняли дополнительные решения. Вслед за тем были получены отзывы из 2-й армии, игравшей в этих учениях роль «подопытного кролика».

В докладе, полученном из 2-й армии, был отмечен один весьма существенный факт, оказавший большое влияние на последующий ход планирования. Командование армии считало, что посадка десанта на суда в портах Ла-Манша (Дувр, Дил, Фолкстоун) будет нецелесообразной до тех пор, пока вдоль побережья Па-де-Кале расположены дальнобойные немецкие батареи. Этот довод получил существенное подкрепление в виде немецкого снаряда, упавшего буквально у самой пристани Фолкстоуна. О пристани говорили, что она является репером для береговых батарей немцев. Все же, несмотря на доводы, высказанные в докладе 2-й армии, работы в названных портах продолжались.

В течение осени уроки учений анализировались. На некоторое время почва ушла из-под наших ног. Учения сорвали маску таинственности с наших действий. Полицейские все еще продолжали нести дежурство возле рабочих комнат, но в штабах начинали говорить о планировании в шутливом тоне.

Наконец, 1 декабря 1943 года «Арлекин» — условное название проведенных учений — умер. Появилось еще одно условное название для планов вторжения. Повсюду вновь начал ставиться гриф «совершенно секретно», а военная полиция стала исполнять свои обязанности с вновь обретенным чувством важности.

На этот раз не могло быть ошибки. Началась настоящая работа!

Комитет по планированию стал собираться ежедневно. Я вел дневник и особо старался отразить в своих записях атмосферу заседаний, связанных с разработкой планов, ибо это серьезное дело всегда пронизывалось юмором.

Глава VII

Акт II. План развертывается

СЕКРЕТЫ ВТОРЖЕНИЯ

Итак, настало время для настоящего дела. Все с новым рвением принялись за работу. К сожалению, наступила некоторая пауза, пока собирались и анализировались уроки учений. Мы с нетерпением ждали докладов из 2-й армии и 21-й армейской группы.

Одно было ясно: необходимо закончить разработку планов и подготовить всю организацию к 1 апреля. Это означало, что все береговые учреждения, лагери и т. п. должны быть организованы, укомплектованы и готовы к выполнению своих задач через час после оповещения.

К нам поступили различные доклады о прошедших учениях. Они были просмотрены, и мы облегченно вздохнули, когда выяснилось, что учения в основном подтвердили правильность наших замыслов. Планы воплотились в жизнь без особо крупных ошибок.

Учения прошли настолько гладко, что представлялось возможным положить выработанный для них план в основу плана вторжения. Армейская часть десанта выявила несколько существенных упущений, которые надлежало устранить. Так, например, мы слишком буквально поняли требование стопроцентной маскировки и создали недопустимую скученность войск накануне учения. Это было крайне нежелательно при проведении операции по вторжению. Следовало пересмотреть организацию лагерей, чтобы дать войскам больше свободы.

Возник еще один важный вопрос, непосредственно связанный с моральным состоянием войск, — это вопрос о расстоянии, которое войска должны преодолеть на пути из районов распределения к пунктам посадки. Во время учений одна саперная рота прошла с полной выкладкой и

некоторой дополнительной нагрузкой 15 миль и прибыла к пункту погрузки совершенно измотанной. Это было недопустимо. В армейских частях нам указали, что максимальное расстояние перехода перед посадкой на суда не должно превышать 5 миль. Впоследствии этот максимум был уменьшен до 3 миль.

Учения вскрыли также серьезный недостаток в вопросе сохранения тайны. Перед началом фактического вторжения войскам предстояло пройти инструктаж, т. е. получить указания о конкретных задачах в операции, о пунктах высадки, а также ознакомиться с основными положениями общего плана, причем все это за 48 часов до выхода из района сосредоточения. Эти 48 часов становились критическими в смысле борьбы за сохранение тайны. Чтобы полностью держать в секрете наши намерения, нельзя было допускать общение личного состава, прошедшего инструктаж, с лицами, не посвященными в планы операции. Однако это являлось невыполнимой задачей. Единственный выход тут был бы такой: «запечатать» лагери в районе сосредоточения войск на все 48 часов, чтобы никто не мог входить или выходить оттуда.

Были разработаны особые меры для сохранения тайны. Обслуживающий состав лагерей, не прошедший инструктажа и не посвященный в планы операции, надо было отличать от будущих ее участников. Этого достигли следующим образом: всем не посвященным в планы будет предложено носить лоскуток ткани, обычно применяемой при чистке оружия, привязав его к левому погону. Лагери, в которых назначено проведение инструктажа, будут оцеплены проволокой, а специальная охрана обеспечит их полную изоляцию от внешнего мира.

До сих пор мы работали, исходя из возможности обеспечить полную секретность. Это убеждение налагало на нас излишние заботы, причем самые меры по обеспечению тайны грозили превратиться в помеху для операции. Назрела необходимость разграничить возможное от невозможного, ибо в противном случае наши планы увязли бы в ограничениях, как в болоте.

«Арлекин» — небольшая прелюдия к вторжению — показал, что немцы все равно будут знать о больших переброска войск в южной части Англии. Нам пришлось

примириться с мыслью, что подготовка операции не останется секретом для противника. Уже факт скопления большой массы судов в наших южных портах покажет противнику, что назревает серьезная операция; сосредоточение 10 тысяч (или около этого) судов накануне дня вторжения уже не будет рассматриваться как блеф. Кроме того, сосредоточение военно-морских сил также не пройдет незамеченным. Согласно плану военно-воздушные силы должны будут проводить бомбардировки в бо̀льших масштабах, что также окажется предвестием операции. Учитывая все эти соображения, мы заключили, что соблюдение полной тайны немыслимо.

После этого оставалось определить, в каких же пределах возможно сохранение тайны. Ответ на этот вопрос оказался для нас полной неожиданностью. Выяснилось, что можно было рассчитывать сохранить в тайне лишь дату и место высадки. С этого момента указанное положение легло в основу всех правил о сохранении тайны. Однако читатель увидит ниже, что даже такой принцип был трудно осуществим на деле.

На схеме организации лагеря в районе распределения читатель видел лишь территорию самого лагеря. Однако вне границ лагеря пришлось расположить целый ряд военных учреждений. Так, корпус этапно-транспортной службы организовал здесь пункт выдачи продовольствия и горючего; здесь же разместились автотранспортные взводы, которым предстояло перебрасывать войска в пункты погрузки; здесь же находилась полевая пекарня, обеспечивавшая лагерь хлебом. Ремонтно-восстановительные части инженерных войск развернули пункты по ремонту транспортных средств и другой колесной техники. Корпус медицинской службы открыл пункты первой помощи. Корпус артиллерийско-технического снабжения создал склад боеприпасов и различного имущества, откуда производилась выдача обмундирования и снаряжения.

Недоста̀ток помещений заставлял нас итти на самые неожиданные комбинации. Кинотеатр стал мастерской; школа была превращена в госпиталь; амбар на лесобирже за одну ночь был переоборудован в продуктово-раздаточный пункт, выдававший ежедневно 20 тысяч рационов; дачный коттедж (тот самый, в котором Ллойд-

Джордж разрабатывал условия перемирия с Германией в прошлую войну) пришлось использовать под артиллерийский склад; в помещении фабрики минеральных вод разместилась походная пекарня.

Согласно штатам в районах распределения должны были работать 755 офицеров, 17 533 сержанта и рядовых. Эти цифры увеличивались с каждым днем. Начальник административно-строевой части штаба юго-восточного военного округа, следя за ростом этих цифр, лишь мрачно улыбался. На одном из заседаний планировщиков он заявил, что при существующем положении вещей может наступить такой момент, когда в округе не останется людей, не занятых обеспечением готовящейся операции. Вот его подлинные слова: «Я предлагаю действовать так же, как командующий одной армией нашего округа. Когда военное министерство забрало у него слишком много людей, он позвонил туда и заявил: если у него возьмут хотя бы еще одного человека, он соберет остатки своей армии и поведет ее на Уайтхолл. Эта угроза возымела свое действие». Вряд ли нужно говорить, что речь шла о генерале Монтгомери!

В течение многих месяцев мы накапливали огромные запасы горючего в жестянках. Это делалось в предвидении того, что противник попытается нарушить нормальное снабжение десанта горючим. Мы были буквально окружены складами с горючим, общие запасы которого исчислялись более чем в три миллиона галлонов (галлон — 4,5 литра). И вдруг произошел переворот: было решено отказаться от использования жестяных банок, которые являлись с начала войны стандартной тарой при снабжении английской армии горючим. Такая жестянка могла быть использована лишь один раз, и сочли нерациональным тратить металл на ее производство. На смену жестянкам пришел более жесткий бачок «Джеррикэн», который можно было использовать неоднократно.

По сути дела произошел переворот в системе снабжения армии горючим. Прежде горючее разливалось по жестянкам в метрополии или на основной нефтебазе театра военных действий и в дальнейшем перевозилось по железным или автомобильным дорогам к фронту. Новая система обеспечивала большую надежность снабжения и

экономию в транспорте. Она сводилась к тому, чтобы подавать горючее из Англии на континент по трубопроводу. Такой трубопровод проложили в большом секрете через южную часть Англии, а его восточный конец был выведен к песчаному побережью, всего в 25 милях от противника. Здесь же была приготовлена специально сконструированная эластичная труба, способная выдержать силу течения в Ла-Манше. Сотни бензоколонок и других устройств и механизмов разместились на судах для переброски во Францию и установки там.

Специальные строительные подразделения могли прокладывать бензопроводы на территории Франции со скоростью 15 миль в день, что должно было избавить армию вторжения от необходимости транспортировать горючее по железным дорогам или на автомашинах. Наконец, в непосредственной близости к фронту предполагалось установить цистерны, из которых наполнялись бы бачки «Джеррикэн» нового образца.

Это был смелый план — подавать горючее из Англии в Германию. От успеха этого плана зависела скорость нашего продвижения, и никто, знакомый с планом, не сомневался в его успехе. План вырисовывался именно в таком виде, но для нас он оказался сплошным кошмаром. С одной стороны, мы не имели возможности использовать уже созданные огромные запасы горючего в жестянках, а с другой — необходимо было найти место для размещения новых бачков. Затем на нас свалился новый удар: каждая машина должна была покинуть Англию, лишь имея пять запасных бачков «Джеррикэн». Следовательно, нужно было почти немедленно принять и разместить в районе сосредоточения десанта около полумиллиона этих бачков. Мы реквизировали частные поля и использовали полевую скотобойню, превратив ее в склад горючего. В течение менее чем двух недель было слито два миллиона галлонов горючего.

И все же горючее оставалось проблемой до самого дня вторжения. Случалось так, что на одной неделе его было слишком много, а военное министерство навязывало нам все новые поезда с горючим, так как заводы резко увеличили выпуск продукции, а нефтехранилищ нехватало. Но в течение следующей недели мы могли тщетно просить

о подаче новых железнодорожных маршрутов, ибо воинские части расходовали горючее в огромных количествах во время последних больших учений. Затем, когда нам начинало казаться, что темпы подачи горючего полностью отрегулированы, учения кончались, и у нас на руках оставалось два миллиона галлонов горючего, для которого не было места.

По мере продолжения работы над планами на сцену начали появляться все в большей численности отряды местной обороны. Четыре тысячи бойцов готовились к противохимическим мероприятиям на тот случай, если бы немцы попытались использовать отравляющие вещества в районах погрузки десанта. Три тысячи человек были включены в организацию береговой дозорной службы, имея своей задачей дать оповещение о дозорах противника, которые могли высадиться на английском берегу для разведки расположения наших войск или даже для отвлекающей операции. Тысячи человек из состава отрядов местной обороны потребовались для регулирования движения. Тут возник правовой вопрос: может ли боец обороны, не являющийся фактически военнослужащим, отдавать приказания военным лицам? Мне так и не пришлось услышать ответ на этот вопрос, и я не думаю, чтобы кто-нибудь очень об этом заботился.

Связь и сотрудничество с гражданскими властями всегда таили в себе трудности. Никто не мог сказать, в какой мере и на какой стадии подготовки можно посвятить гражданские власти в планы операции. Труднее всего во время учений «Арлекин» пришлось управлению по снабжению горючим. Внезапное увеличение активности военно-воздушных сил было для этого управления полной неожиданностью; автоцистерны с горючим, необходимым для действий авиации, шныряли взад и вперед днем и ночью.

Гражданскую полицию мы чаще всего держали в неведении, и она оказывалась довольно беспомощной, когда совершенно неожиданно начинались интенсивные воинские перевозки.

Эвакуация гражданского населения из городов, которые могли подвергнуться интенсивным налетам авиации противника, была бы обречена на провал без помощи

полиции. Еще с того вермени, когда мы опасались вторжения противника в Англию, существовал план эвакуации населения из приморских районов по определенным маршрутам. Сейчас выяснилось, что эти маршруты частично совпадали с нашими маршрутами перевозки войск. Поэтому назрела необходимость выработать единый план.

Не следует думать, что мы не знали о трудностях, с которыми приходится сталкиваться гражданским властям. Мы были далеки от этого, но нашей ошибкой была погоня за сверхсекретностью, добиться которой все равно оказалось невозможно.

Чтобы выправить положение, генерал приказал нам подготовить план учений по взаимодействию между военными и гражданскими властями, рассчитанный на весь день. В этих учениях, прошедших с большим успехом, приняли участие двадцать два ответственных гражданских и полицейских чиновника. Был выработан единый план.

Представители гражданской администрации быстро поняли необходимость полного взаимопонимания и создали комиссии, работавшие параллельно с отделами военной организации. Мы установили, на какой стадии подготовки операции можно будет раскрывать наши планы членам этих комиссий. Гражданские власти выработали положение об объеме своих обязанностей. Так было преодолено еще одно препятствие.

Среди проблем, требовавших разрешения, не все были совершенно очевидной важности. Например, на короткий отрезок времени особую важность приобрел... строительный мусор. Главный инженер предупредил нас, что площадки для стоянки автотранспорта не будут готовы вовремя, если он не получит большого количества строительного мусора. На месте мусора не было, и мы вынуждены были доставлять его по железной дороге из Бирмингама, являвшегося ближайшим поставщиком. Тем из нас, кто участвовал в расчистке улиц Лондона во время разгара «блицкрига» 1940—1941 годов, такое положение казалось в высшей степени неправдоподобным. Правда, не следует забывать, что к этому времени горы щебня уже исчезли с улиц Лондона. Недостаток подвижного соста-

ва на железных дорогах также затруднял доставку нужных материалов.

Вопрос о выдаче рома вызвал крупные противоречия еще на ранней стадии планирования и остался неразрешенным до самого последнего дня. Этот вопрос, как будто весьма странный, наглядно показывает, какие западни были расставлены на пути планировщиков и как трудно им было притти к единогласному решению. Казалось, что плохого было в выдаче солдатам рюмки рома перед атакой? Выдача рома непосредственно перед атакой была само собой разумеющимся делом во время прошлой войны. Однако с тех пор прошло много времени, и медицинские авторитеты установили, что ром безусловно вреден для здоровья, если он выдается людям, которым предстоит продолжать бой в суровых климатических условиях. Медики заявляли, что первоначальный подъем, вызванный ромом, вскоре проходит, и человек теряет определенное количество тепла, что делает его подверженным простудным заболеваниям в еще большей степени, чем до принятия алкоголя. Единственное условие, при котором надлежит выдавать ром, — это при полной усталости и истощении, если есть возможность сразу же лечь в постель. Этому научно обоснованному заключению командиры частей смогли противопоставить лишь свои настойчивые требования о выдаче рома. Успех в ходе дискуссии попеременно бывал на стороне тех и других. Было принято не менее пяти различных решений, каждое из которых исключало предыдущее. В конце концов войска получили свой ром — ценой того, что очень приближалось к хитрости!

Могут ли армейские офицеры подвергать цензуре переписку личного состава пожарной службы? Это был тоже сложный вопрос, который разрешили положительно, но никто не удивился, если бы в связи с этим в Палате общин был сделан запрос об ущемлении гражданских прав.

Могут ли гражданские работники эстрады и сцены посещать лагери десанта? Каков должен быть адрес этих лагерей? Что случится с солдатом, уже прошедшим инструктаж, если он заболеет до начала операции? Сможет ли существующая система водоснабжения удовлет-

ворить возросшие потребности военного населения наиболее безводных внутренних районов Кента и Сассекса? Сможет ли и без того перегруженная охрана рек и лесов справиться с дополнительной нагрузкой в связи с готовящейся операцией? Такие вопросы возникали ежедневно. Ко дню вторжения их набралось тысячи, и для их разрешения тратилось больше времени, чем для непосредственного планирования. Каждый вопрос требовал самого тщательного рассмотрения, а большинство из них таило в себе определенную возможность нарушения тайны, какой-нибудь намек, который мог открыть дату вторжения. Операцию большого масштаба нельзя планировать, основываясь лишь на том, что она начнется в один прекрасный день в будущем. Необходимо наметить какие-то границы во времени, между которыми она фактически начнется, чтобы рассчитать проведение далеко идущих мероприятий.

Только сейчас становится ясно, насколько тесно переплеталась вся жизнь страны с этой операцией. В частности, железные дороги грозили стать узким местом, если бы к ним в последнюю минуту были предъявлены новые требования. Возьмем проблему продовольствия. В середине января военное министерство издало инструкцию, из которой явствовало, что после февраля нельзя рассчитывать на регулярный ежемесячный подвоз продовольствия. Я могу писать об этом с определенным чувством, ибо сообщение военного министерства касалось меня непосредственно. Между тем я не знал даты вторжения, не знал, сколько войск мне предстоит прокормить в течение следующих нескольких месяцев, и вместе с тем должен был потребовать и добиться получения такого количества рационов, которого с избытком хватило бы до дня вторжения.

Мое решение не было отмечено ни оригинальностью, ни гениальностью. Я сел к столу и постарался представить себе самое худшее. Я рассчитал, что день вторжения выпадет на июнь или июль и что на довольствии будет находиться 700 тысяч человек. Затем я сделал допуск на очень медленное отбытие войск. Появилась конечная цифра — около 100 000 000 рационов. Это было больше, чем могли вместить мои продуктовые склады. Я распре-

делил весь объем продуктов между отдельными складами так, чтобы заполнить их до потолка, а остаток решил разместить под брезентами на открытом воздухе. Тот факт, что мой план был воплощен в действительность, следует отнести за счет энтузиазма заведующих продовольственными складами и их подчиненных. Так или иначе, план был осуществлен.

На последней стадии планирования операции продовольственное снабжение явилось моей особой обязанностью. Мне досталась назавидная работа: воплотить в жизнь мною же разработанный план. Рассуждать о том, как это все будет организовано, было достаточно легко, но к фактическому осуществлению своих замыслов я приступил, не особенно веря в успех. О подобном разрыве между словами и делом следовало бы помнить всем, кто считает, что он способен составлять блестящие по формулировке инструкции.

Одной из самых трудных проблем, стоявших перед нами, был перевод войск с гарнизонных норм питания на полевые, ибо при этом требовалось сохранить в тайне дату вторжения, а имелась угроза, что вся наша система сохранения секретности будет нарушена. Чтобы показать вам, какие трудности приходилось преодолевать на каждом шагу, достаточно рассмотреть здесь именно эту проблему.

Обычно войска, находящиеся в метрополии, довольствуются по так называемым гарнизонным нормам питания. Эти нормы предполагают денежную компенсацию вместо ужина в сумме $2^1/_2$ пенса на человека в день. Дотация обеспечивает войскам возможность покупать различные продукты и этим разнообразить стол. В указанной дотации необходимо ежемесячно отчитываться. Когда же войска находятся в полевых условиях, они переводятся на полевую норму питания, при которой необходимость в денежной дотации отпадает.

На определенном этапе подготовки операции войска вторжения должны были перейти с гарнизонных норм питания на полевые нормы. Но на каком этапе? Полевые войска не желали расставаться с разнообразием, которое они имели, питаясь по гарнизонным нормам, и хотели отложить переход на полевые нормы на возможно более

долгий срок. Они считали, что пока находятся в Англии, им надо питаться по полевым нормам не более трех недель, так как, возможно, на той стороне Ла-Манша придется недель шесть жить исключительно на консервированной пище. Это был логичный довод, но он наносил огромный ущерб делу сохранения тайны. Если бы войска переходили на полевые пайки за три недели до дня вторжения, тысячи людей знали бы об этом.

Нелегко было найти выход из этого положения. В конце концов было решено, что каждый начальник тыла в штабе округа назначает дату перехода по своему усмотрению. Он, конечно, знал дату дня вторжения и мог назначить время для перехода на другое питание, сообразуясь с потребностями своих войск. В нашем округе переход был назначен на 21 апреля, другой округ перешел на полевые нормы 1 апреля в силу определенных местных условий. Когда эта дата стала известной, нетрудно было догадаться, что день вторжения наступит не позднее чем через два месяца.

В течение января и февраля темпы нашей деятельности возросли. Наихудшим из всех месяцев был, пожалуй, март. В это время казалось, что все идет из рук вон плохо. Характеры у всех испортились, штабные офицеры ссорились друг с другом из-за пустяков. Я помню, как у меня произошла настоящая ссора с одним офицером по поводу незначительного пункта, который он хотел изменить, а я хотел оставить в прежнем виде. Мы дошли до настоящей схватки, когда третий офицер самым любезным и дружеским тоном вмешался в наш спор. Не прошло и пяти минут, как он подвергся ожесточенной атаке со стороны обоих соперников. Когда же мы все успокоились и остыли, никто из нас не мог уже вспомнить, какова первоначальная причина спора.

Сейчас как будто очень глупо и мелко писать об этом, но тогда нервы у всех были в очень плохом состоянии. Каждый вырабатывал свою часть плана и неохотно соглашался на какие-либо изменения. Близкие друзья заметно охладели друг к другу, а столовая стала местом угрюмого молчания или истерических шуток.

Нам было запрещено обсуждать вопросы планирования вне служебных помещений, а когда мы проводили

время вместе, то очень трудно было говорить о чем-то другом. После обеда все расходились из столовой, некогда бывшей веселым местом, и офицеры искали уединения в своих кабинетах до позднего вечера. Эти долгие часы сами собою вызывали нечто вроде невроза.

В марте несчастье следовало за несчастьем. Один штабной офицер надломился совершенно и был отправлен в госпиталь с симптомами нервного истощения. Другой офицер страдал от приступов слепоты, приписанной чрезмерному напряжению. На наши несчастные головы свалилась еще одна неприятность, когда генерал созвал нас и сказал, что он больше не потерпит, чтобы из его штаба исходили противоречивые приказы. Он сказал, что начальники районов жаловались, получив один за другим несколько приказов, причем каждый последующий противоречил предыдущему. Мне пришлось выдержать особенно сильное нападение. Меня обвинили в том, что я провел разведку в одном районе, не известив об этом штаб района, вследствие чего они тоже провели разведку и получили результаты совершенно противоположные. Это было неверно, но мои протесты были бесполезны и даже не были слышны из-за еще более сильных нападок на другого офицера.

В кармане у меня лежало письмо от моего бригадира [1], служившего в военном министерстве. В этом письме говорилось, что моя административная инструкция по работе служб перевозок и снабжения была лучшим из того, что ему пришлось видеть в продолжение этой и предыдущей войн. Но то тепло, которое я ощутил, получив это письмо, исчезло теперь под новым ударом.

Общее положение было мучительным. На приготовление различных административных инструкций, безбожно называемых у нас «библиями», ушли месяцы работы, и мы должны были бы перейти к периоду сравнительной бездеятельности. Вместо этого на нас посыпался град приказов и инструкций, часто исходивших от незнакомых нам учреждений. Военное министерство, видимо, объединилось с бумажными фабрикантами.

---

[1] Бригадир — звание в британской армии — между полковником и генерал-майором. — *Прим. перев.*

Сейчас, когда оглядываешься назад, очень легко понять, что происходило. Наши готовые планы были направлены в военное министерство, которое попыталось их согласовать, чтобы передать штабу союзных экспедиционных войск и другим заинтересованным организациям. К несчастью, инструкции военного министерства не всегда точно совпадали с нашими собственными. Иногда это случалось в результате неправильной интерпретации наших инструкций министерством. Порою, наоборот, оказывалось, что мы неправильно поняли первоначальные указания.

Экспедиционные силы, в которые объединились американские и английские войска, условно назывались «Коссак». Они пока еще не имели верховного главнокомандующего, но играли все более важную роль в планировании. Часто нам приходилось уточнять или дополнять их инструкции.

Это был период распространения информации, и разноречивости в толкованиях нельзя удивляться. Как раз эта разноречивость давала болезненные результаты и часто была причиной вменяемой нам в вину отдачи противоречивых приказов.

Вероятно, наиболее тяжелым ударом явился для нас план сосредоточения, изготовленный экспедиционными силами. В этом плане абсолютно не принимались в расчет долгие месяцы нашей работы по составлению плана расквартирования. План экспедиционных сил уничтожал до последнего слова всю эту работу, на которую были потрачены сотни часов и мили бумаги.

Мы вновь встретились с необходимостью начать все сначала. Воздух в отделении, занимавшемся вопросами расквартирования, стал сизым сперва от крепких выражений, а затем от дыма бесчисленных сигарет, которые курились офицерами и клерками днем и ночью по мере того, как они упорно составляли совершенно новую схему расквартирования.

Чтобы работа не останавливалась ни на одну минуту, приходилось спешить. Копировальные станки выбрасывали новые массы таблиц. Через семь дней родилось новое расписание. Затем последовали бесконечные совещания, на которых и это расписание было из-

менено до неузнаваемости. Опять заработали копировальные станки, и было готово третье расписание. На этот раз оно оказалось приемлемым во всех отношениях. Однако офицеры отдела управления движением указали нам с ехидной усмешкой, что некоторые лагери очутились вне положенного расстояния от районов посадки, что противоречило принципу сохранения тайны. Следовательно, эти лагери нужно исключить из списков. Их указание было правильным, и лагери пришлось аннулировать. Мы уже имели сильные опасения относительно районов распределения. Нам сказали, что любой лагерь, имеющийся там, может быть использован как место для отдачи последних распоряжений перед посадкой. Это означало, что почти половину существующих лагерей нужно было заново перепланировать. Многие из них находились в городах или около городов, и единственным выходом было либо эвакуировать гражданское население, либо убраться самим в другое место, так как явно невозможно отделить и закупорить часть города. И нам пришлось уйти оттуда самим.

Около этого времени стали циркулировать слухи о секретном оружии. В сочетании с секретнейшим планом развертывания зенитной артиллерии эти слухи добавили ко всему новое беспокойство. Мы не знали никаких подробностей о секретном оружии, но размах мер предосторожности указывал на весьма серьезную опасность.

«Междоусобная война» разгорелась с еще большей остротой. Офицеры оперативного отдела штаба с косой улыбкой предложили информировать их о предполагающемся размещении гостей в районе сосредоточения, так как одна часть оказалась расквартированной в центре зенитной зоны. Ничего не скажешь — очко в пользу оперативного отдела штаба. Следующее очко в пользу офицеров штаба тыла. Они обвинили офицеров оперативного отдела в том, что те неудачно расположили свои сооружения: из-за этого войскам пришлось разместиться в тех районах посадки, о которых уже давно было известно, что они переполнены.

Начальник инженерной службы тоже присоединился к воюющим. Он обнаружил, что дорожно-ремонтные

группы совета графства разрыли дорогу на одном из главных маршрутов. В результате — тревога и удивление. Возникла необходимость особенно позаботиться об укреплении связи на этом участке.

Персонал лагерей распределительных районов должен был приступить к работе на последней неделе марта. 1 апреля все еще было сроком завершения наших приготовлений. На второй неделе марта я бы не дал ломаного гроша за то, что мы будем готовы вовремя. Генерал имел на этот счет другие соображения и сказал сомневающимся: «Мы будем готовы во-время». Он был прав: когда наступило 1 апреля, все лагери оказались укомплектованными обслуживающим персоналом, все сооружения и устройства были на местах. Поскольку это касалось нас, вторжение могло начаться хоть на следующий день.

В то время, когда разрешались все эти внутренние проблемы, механизм работал, и сосредоточение шло, хотя и медленно, но верно. Войска тысячами вливались в «колбасные машины» (как были прозваны районы приема и распределения). Встреча их проходила не всегда удовлетворительно. Генерал объехал районы, дал много нагоняев и категорически потребовал, чтобы каждое подразделение встречал представитель штаба района, который должен был лично навести полный порядок и удовлетворить все нужды подразделения.

Это было «сервис» — с улыбкой или без таковой. Войска буквально мурлыкали от удовольствия и предъявляли самые баснословные требования.

Затем была выпущена первая часть подготовительного приказа экспедиционных сил. Это был подробный документ, выданный каждому подразделению. Он содержал инструкции относительно того, как закончить все свои дела в Англии. Предполагалось, что, по выполнении этой инструкции, подразделение полностью подготовится к отправке через Ла-Манш.

Но не думайте, что этим все кончилось.

Обладающие тем ярко выраженным индивидуализмом, характерным для англичан, который так приятно наблюдать и так трудно переносить, командиры подразделений соперничали друг с другом в старании вы-

держать дух приказа, но не обратить внимания на факты, в нем содержащиеся.

Одно соединение ухитрилось провести заявку на сотни тонн порошка для ног (талька), тысячи галлонов дезинфицирующего средства и длинный список других медикаментов. Этим людям были даны определенные и ясные указания, что нужные предметы будут им выданы на том берегу, но это не остановило их. Офицеры налетали на нас, как саранча, сияя обезоруживающими улыбками, прося, требуя, угрожая, и все это с одной лишь целью — например, получить те или иные предметы снаряжения для того, чтобы обезопасить себя на случай дождливой погоды!

Я не сомневаюсь, что многие части накопили таким путем большие запасы, но большинство уходило от нас с пустыми руками. Вредно было то, что в результате всех этих просьб телефоны звонили не переставая, и озабоченные офицеры службы снабжения постоянно справлялись, полагается ли такому-то подразделению получить тот или иной предмет довольствия. На это зря тратилось время, но следует заметить, что мы проявляли много терпения и внимательности.

Наибольшими страдальцами оказались офицеры корпуса артиллерийского, технического и материального снабжения. Их работа достигла гигантского размаха. Когда подразделения начали двигаться в район сосредоточения, вся система нормальной доставки грузов была поколеблена. Предметы снаряжения следовали за войсками из одного конца страны в другой, загромождая автомобильные и железные дороги. В отчаянии командование этого корпуса отменило все большие заявки; был отдан приказ подразделениям вновь представить списки того, в чем они нуждаются. Заявки посыпались дождем, и снаряжение стало огромным потоком уходить из центральных складов корпуса, направляясь на юг. Этот план оправдал себя, но даже и теперь стало очевидно, что обеспечить все подразделения едва ли удастся. В виде последней и крайней меры был открыт вблизи районов распределения специальный склад, куда начали поступать в огромных количествах разнообразные запасы и снаряже-

ние. Сначала штат этого склада состоял из шести человек. В течение месяца он перевалил за сотню, и войска получали там снаряжение до самого последнего момента. Классическим примером явилась доставка снаряжения одной штурмовой бригаде в порт в тот момент, когда корабли начали уходить в море.

Лозунгом было: «ничего не жалеть». Усилий, безусловно, не жалели.

Мы вступили в последние беспокойные дни, чуть ли не падая от усталости, непрестанно беспокоясь о таких деталях, которые заставили бы нас смеяться несколько месяцев тому назад. Смеяться? Были моменты, когда мы забывали, что значит смеяться. Вопросы возникали за вопросами. Днем и ночью звонил телефон.

Как бы то ни было, организация крепко стояла на ногах. К лучшему или к худшему, но мы были связаны со своим планом. Его уже нельзя было изменить, за исключением, быть может, мелких деталей. И все же неожиданности продолжались. Пришедшее в последнюю минуту требование на специальный временный лагерь почти доканало нас, но лагерь был готов во-время.

Нам всего нехватало. У нас не было резерва рабочей силы, уже не было палаток, квартиры переполнены, поваров все еще недостаточно, коменданты лагерей настаивали на пополнении обслуживающего персонала. Короче говоря, у нас не было лишней нитки... и в довершение всего, запертые в сейфах, лежали планы противодействия рекламируемому секретному оружию противника. Мы не смели подумать о том, что могло случиться, если бы это оружие было пущено в действие до дня вторжения.

К середине апреля худшие дни миновали. Поток вопросов и сомнений превратился в небольшой ручеек. Планировщики заслужили свой отдых. Другие люди взяли на себя продолжение операции: наша организация заканчивала свое существование.

Такие организации, как служба войсковых магазинов, выдержали огромное напряжение и ни разу нас не подвели. Конечно, они могли считать, что мы сошли

с ума, когда жаловались, что в некоторых лагерях неудовлетворительно соотношение запасов табака и сигарет. Они должны были доставлять в три раза больше бекона, чем обыкновенно; они чуть не потеряли головы стараясь обеспечить свежими овощами удвоенное против нормального военное население района. Эти факты казались незаслуженно забытыми, когда мы предъявляли свои мелкие претензии. Но у нас не было времени для похвал и удовлетворенности, когда каждый день приносил какое-либо новое упущение, требовавшее вмешательства.

Теперь нужно сказать несколько слов о наших американских союзниках.

ГЛАВА VIII

Антракт

АМЕРИКАНСКАЯ СМЕСЬ

Мы оставили американские войска, когда они накапливались в Англии в тяжелые дни 1942 года. Продолжим рассказ с этого момента.

В 1943 году большие районы Англии были заняты американскими армиями, предназначавшимися для участия во вторжении. Американцы располагались главным образом в западных и южных частях страны, но отдельные их подразделения были разбросаны по всей стране.

Во время первого пробного периода, когда между силами двух стран было достигнуто взаимопонимание, американцы начали строить свою организацию вторжения таким же образом, как создавалась наша организация. Различия были незначительны: вопрос пайков, другое название какого-либо должностного лица, особенность системы внутреннего управления и документации.

На западе находилась зона США, предназначенная только для американских войск. В этой зоне администрация состояла исключительно из американцев. В центре была объединенная англо-американская зона, предназначенная для пропуска войск поочередно. Личный состав ее администрации включал в себя и англичан, и американцев. На востоке — английская зона (для английских, канадских и других войск).

Однако следует твердо знать, что деление на зоны соблюдалось лишь с целью упростить механизм управления, и один район всецело походил на другой.

В своей зоне американцы выказали большие способности к администрированию. Мы завидовали их независимости от правительственных и финансовых огра-

ничений, восхищались прямолинейным подходом к разрешению вопросов. Если им нужна была новая дорога, они говорили: «Мы хотим построить дорогу отсюда до того места, и дорога эта будет итти по прямой». Причем, нужно сказать, что это говорилось с усмешкой по поводу извилистых и узких Корнуэльских дорог, не перестававших их изумлять. Они строили дорогу быстро и хорошо. На наших совместных совещаниях по планированию они всегда проявляли себя очень сообразительными, быстро схватывали обстановку, стараясь найти наиболее прямой и целесообразный выход из любого положения. Они срезали углы английских извилин и потому часто избавлялись от затруднений. Иногда при особенно удачном решении вопроса они любили посмеяться на наш счет, но проделывали это деликатно, — и мы все смеялись.

За что они ухватились обеими руками, так это за школы боевой подготовки. Они заняли большую территорию на западе страны и принялись играть в войну. Играли энергично и долго, приложив много усилий, чтобы превзойти все, что было у нас придумано по части боевой подготовки. Они не любили сидеть сложа руки, хотели начать двигаться и не прекращать движения. Во Франции они показали, как быстро могут двигаться; фактически они двигались быстрее любой другой армии в таких же условиях. Они выработали «блиц»-тактику, находясь в Девоне и Корнуэлле, наиболее сонных графствах Англии из тех, которые я знаю.

За эти месяцы ожидания, планирования и подготовки американцы изобрели новое снаряжение. Ничто им не казалось достаточно хорошим. Их неугомонность и изобретательность можно было сравнить с изообретательностью великого инквизитора. Они проверяли каждый мельчайший винтик своей машины и искореняли недостатки, не считаясь ни с чем.

Их ящики с продовольствием представляли собой пример неустанной исследовательской работы. Они изобрели ящик с продовольствием на десять человек, пожалуй, наиболее дорого стоящий из подобных вещей во всем мире. Продовольствие в нем было прекрасно

упаковано для сохранения высокого качества. Наилучшими деликатесами явились порции консервированной свинины с яйцами, консервированного масла, ароматных шоколадных и фруктовых плиток и других лакомств, странных для английского вкуса.

Все до одного одобрили высокое качество этих продуктов, но они не годились для английского солдата. Там не было тушеного мяса и пуддинга с ливером, моркови и других овощей и вареного пуддинга. Нашим солдатам нравилась американская пища в виде разнообразия, но они старались возможно скорее перейти вновь на английские пайки. Эта разница в пище явилась любопытной деталью в процессе слияния двух армий.

Пожалуй, это и все, что я могу сказать об американских союзниках в отношении их отличия от наших войск.

ГЛАВА IX

Акт III. Развязка

ВТОРЖЕНИЕ НАЧАЛОСЬ

В апреле мы изнемогали от напряжения. Резкий переход к относительному бездействию отразился на нас еще хуже, чем предшествовавшая ему лихорадочная активность.

Наконец, наступила развязка: было решено провести в больших масштабах учения войск, предназначенных к участию во вторжении. Эти учения включали сосредоточение частей, их инструктаж, изоляцию лагерей с проинструктированным личным составом, переброску войск в районы погрузки десанта, посадку на суда, выход в море и в заключение высадку в другом месте английского побережья с «боем» на территории графства Саут Даунс.

Естественно, не обошлось без затруднений и в этом случае. Пришлось долго обсуждать вопросы транспортировки нашего нового, строго засекреченного снаряжения через города и деревни, лежавшие на пути к районам погрузки десанта. Поскольку речь шла о действительной репетиции, необходимо было погрузить на суда снаряжение, которое предстояло использовать при вторжении. Однако выставлять для широкого обозрения секретные предметы было весьма нежелательно, учитывая возможность просачивания информации к противнику.

Что делать? Самое естественное решение — эвакуировать гражданское население на расстояние 1000 ярдов от районов погрузки десанта. Это предложение было встречено без особого энтузиазма, ибо пришлось бы эвакуировать тысячи людей из одного только города. Наконец, решили заменить учебными машинами наиболее секретные образцы снаряжения.

Одновременно с работой по планированию учений продолжалась подготовка фактического вторжения. Один миллион человек исчез с поля зрения остального мира под ничего не говорящим адресом «Военно-полевая почта, Англия».

Мы получили распоряжение создать лагерь для беженцев, которые будут эвакуированы из района будущего предмостного укрепления, если в течение первого месяца не будет занята значительная территория. Общая установка сводилась к тому, чтобы не эвакуировать гражданских лиц с континента, но обстоятельства могли потребовать отказа от этой установки, вследствие чего и создавался лагерь для размещения шести тысяч человек. Задача эта оказалась более сложной, чем мы полагали.

Наша служба разведки считала, что минимум 10% перемещенных лиц окажутся агентами врага, использовавшими возможность попасть в Англию. Кроме того, необходимо было принять все меры для предотвращения тифа и других эпидемий.

Лагери были разделены на «грязные» и «чистые». Доставленные десантными судами беженцы должны были перевозиться «грязными» автобусами в «грязные» лагери. После тщательной санитарной обработки и опроса офицерами службы безопасности эти лица могли быть доставлены «чистыми» автобусами в «чистые» лагери для последующего размещения в других местах.

Проблема обеспечения беженцев питанием была наиболее трудной. Я хорошо помню одно заседание, на котором присутствовали представители гражданских организаций, в том числе и женской добровольной службы. Мы подробно обсуждали содержание рациона беженцев. Исполненные похвальной доброты, женщины настаивали, что беженцы должны питаться в основном яичницей-болтуньей. Они утверждали, что беженцы будут сильно истощены, что не позволит давать им тяжелую мясную пищу и потребует ухода за ними, как за полуинвалидами,. Большое внимание было уделено также вопросам заботы о детях. В конце концов мы остановились на нормах, близких к военному рациону, но включавших меньше тяжелой мясной пищи.

О результатах этого совещания я расскажу в следующей главе.

Когда из военного министерства пришло сообщение, что на следующей неделе будет обсуждаться вопрос об упразднении организации по планированию вторжения, оно было встречено громким смехом удовлетворения. Люди настолько были погружены в свое планирование, что мысль о возможности его окончания ни разу не приходила в голову. Тот факт, что военное министерство заглянуло вперед, заставил нас переоценить по-новому обстановку.

Учения были назначены на 3 мая. С 26 апреля началось сосредоточение войск, и сразу же произошел ряд казусов. В силу печальной случайности половина транспорта, имевшегося в районе сосредоточения, оказалась в лагерях, когда они были изолированы на время инструктажа. Эта часть транспорта уже не участвовала в дальнейших учениях. Один офицер службы снабжения засиделся у друзей в лагере и был задержан там вместе со всеми на семь дней. Пикеты службы безопасности работали отлично. По сути дела их деятельность была даже слишком ревностной, ибо комендант одного лагеря оказался вне своего лагеря и не был допущен туда до начала погрузки десанта, а командир одной из штурмовых бригад не смог попасть в лагерь, чтобы следить за ходом инструктажа!

Тем временем к пунктам погрузки прибывали десантные суда. Военные корабли выдвинулись на позиции, с которых им предстояло прикрывать десант. Заметно увеличилась активность истребительной авиации. На взлетно-посадочных полосах для истребителей, пустовавших с предыдущего лета, начали вновь появляться самолеты.

30 апреля окончился период изоляции лагерей, и войска начали подтягиваться к пунктам погрузки. Их вооружение и снаряжение в основном было совершенно новым, невиданным мною прежде; в общем потоке наблюдалось движение диковинных машин и приспособлений, устремившихся к морю.

На следующий день я следил за погрузкой судов. Первоначально предполагалось погрузить запас продоволь-

ствия на время следования морем, одеяла для пользования на судах и другое имущество еще до того, как к пунктам посадки начнут прибывать войска и техника. Однако этот план осуществлялся не совсем удовлетворительно. Казалось, что команды, обеспечивавшие погрузку, стремятся установить рекорд скорости. Причал походил на улей или муравейник. Один солдат, стремглав кативший по причалу тачку, полную продуктовых пакетов, был сбит с ног двигавшимся задним ходом грузовиком. Другой солдат, бежавший с такой же тачкой, не сумел во-время остановиться, и его тачка вместе с продуктовыми пакетами полетела в море. Однако в общем погрузка десанта проходила гладко. Вы, видимо, помните случай, когда танк застрял на откинутом борту десантного судна, причинив нам всем столько огорчений, и поэтому я не буду останавливаться на этом происшествии вновь.

Погрузка продолжалась и на другой день. Учения должны были начаться 3 мая, но были отложены еще на сутки. Видимых причин для такой отсрочки не было, поскольку десант был погружен и готов к выходу в море уже во второй половине дня 2 мая. Отсрочку можно объяснить желанием еще раз проверить общее состояние десанта.

Поздно ночью армада десантных судов снялась со швартовых и вышла в море, где встретила эскорт, состоявший из военных кораблей. Когда наступил рассвет 4 мая, море было усеяно небольшими серыми десантными судами. Более крупные корабли — крейсера, миноносцы и корветы — прикрывали их со стороны моря. В небе гудели самолеты. Конвой медленно повернул на запад, направляясь к бухтам, где на рассвете следующего дня предстояло высадить войска. Это была последняя репетиция перед подъемом занавеса.

Несколько следующих дней было затрачено на изучение уроков последней репетиции. Налицо имелся ряд упущений, часть которых нельзя было предвидеть при планировании. В лагерях районов распределения велась большая работа по герметизации боевой техники и машин. На эту работу требовалось 16 часов, и водителям машин тоже пришлось принять в ней участие. В итоге

группы личного состава ремонтно-восстановительной службы доносили, что они не могли полагаться на помощь водителей, ибо последних отвлекали спектакли и кинофильмы, в чрезмерном количестве организованные национальной культурно-просветительной службой. Едва поставив свои машины на место, водители мгновенно исчезали. Нельзя не признать, что культурно-бытовое обеспечение десанта было организовано слишком хорошо!

Офицеры ремонтно-восстановительной службы указали на ряд других отрицательных явлений. Многие машины были серьезно перегружены, что не только представляло угрозу для самой машины, но приводило к необходимости снимать излишний груз при работах по герметизации. На ремонтно-восстановительных станциях ощущался недостаток запасных частей для машин.

В районах погрузки наблюдалась некоторая дезорганизация из-за того, что потоки гражданского транспорта проходили слишком близко от пунктов погрузки войск; пришлось изменить маршруты для гражданского транспорта, отодвинув их на одну милю в глубину.

Один танк прибыл в пункт погрузки с привязанным к кормовой части пианино! Экипажу было приказано снять пианино. Это приказание ввергло танкистов в глубочайшее уныние, так как они провезли это самое пианино через Африку, Сицилию и Италию — в Англию. Они меньше всего рассчитывали бросать его на завершающей стадии войны, но тем не менее на время оставили пианино в пункте погрузки. Я говорю «на время», так как в конце концов им удалось переправить его через Ла-Манш. Каким именно образом это было сделано, останется секретом, но все же, судя по последним сведениям, пианино продолжало путешествовать по Франции на броне того же танка.

Итак, последнее учение окончилось. Планы еще раз оправдали себя на практике. Требовалось внести лишь незначительные поправки.

Мы вернулись к подготовке основной операции. На сцену появились санитарные поезда, которые были дислоцированы в стратегических пунктах страны, готовые по первому требованию прибыть на побережье для приема раненых. Я совершил непродолжительную поездку и

посетил станции, где находились эти поезда, установив, что в большинстве случаев места стоянки были выбраны удачно. Однако один поезд содержался на запасной ветке, где не было воды, и ежедневно совершал пробег в 12 миль, чтобы пополнить запас воды. В результате переговоров с железнодорожной компанией положение было исправлено. Поезда были частично военные, частично гражданские. После долгого бездействия их персонал буквально рвался к работе.

В последние дни мая было закончено сосредоточение войск. 28 мая состоялось последнее заседание планировщиков. Всего с июня 1943 года таких совещаний состоялось 147.

Генерал собрал нас для последней беседы. «Работа сделана, — сказал он, — но мы прикованы к своему плану. Сейчас не может быть речи об ослаблении усилий. Ежедневно и ежесекундно в нашем штабе должны находиться офицеры, способные немедленно разрешить любую проблему. Следует ожидать, что очень скоро мы увидим свой план в действии».

Трудно было поверить, что мы действительно закончили работу. Планировщики замолчали и углубились в свои мысли. Казалось, что даже телефон проникся нашим настроением: он звонил лишь изредка, и это был уже не прежний властный звонок.

Затем начались многочисленные посещения нашего штаба офицерами десанта. Высокопоставленные офицеры 21-й армейской группы, канадской армии и 2-й армии входили и выходили, сохраняя на лице отпечаток серьезности. Улыбки были редки, даже при прощании. Бывшие офицеры нашего штаба, возвратившиеся сейчас в части армии вторжения, иногда заходили к нам в столовые, чтобы выпить прощальный бокал. Однако никто не говорил вслух о прощании, и только необычно крепкое рукопожатие свидетельствовало о внутреннем состоянии людей.

Мы чувствовали себя связанными по рукам и ногам и с трудом переносили вынужденное бездействие. Начали циркулировать слухи о проводящейся на время инструктажа изоляции лагерей. Был издан приказ, согласно которому впредь до особого распоряжения посещение рай-

она сосредоточения и районов погрузки разрешалось только высшим офицерам штаба. Отделы управления движением получили неограниченную свободу действий.

Вокруг здания, где помещалось управление движением, раскинулись брезентовые палатки. Через открытые окна доносился стук пишущих машинок и более громкое жужжание копировальных аппаратов. Офицеры управления лишь изредка появлялись в столовых, а когда все же бывали там, выглядели безнадежно усталыми и измотанными. Можно было видеть офицеров, перебегающих из здания управления в палатки, покрывавшие лужайку. Там они могли поспать несколько часов, если позволяло время. Теоретически им надлежало работать в три смены по восемь часов, но фактически они работали в большинстве по двенадцати часов в сутки и больше. Неумолчно трещавшие машинки предрешали судьбу сотен тысяч солдат. Всю ночь продолжался шум движения автомобилей, а мы тем временем беспокойно ворочались в своих кабинетах-спальнях и ждали... ждали... ждали.

Стало известно, что еще ряд лагерей переведен на режим изоляции в связи с инструктажем. Каждый день мы ожидали получения отпечатанного на телетайпе исключительно важного приказа о начале операции. Каждый раз, когда в комнату входил связист с пачкой сообщений, мы набрасывались на них в поисках этого решающего приказа.

Наступил июнь. Пышно расцвела природа; в перелесках, окружавших штаб, пели птицы. На рассвете 3 июня атмосфера была насыщена новыми ожиданиями. Бездействовавшие телефоны вновь ожили. Посыпались запросы с мест. Мы поняли, что инструктаж окончен. Все запросы касались тех или иных проблем, возникавших на причалах и пристанях, где происходила погрузка десантных кораблей и судов.

Попрежнему нет приказа!

На рассвете 4 июня дежурный писарь разбудил меня и вручил переданный по телефону приказ. Я развернул его — это был приказ о вторжении. День вторжения назначался на 5 июня. Армейская служба связи передавала приказ по всей Англии. Я не мог больше заснуть и решил выйти на побережье, чтобы видеть все своими глазами.

Неожиданно в полдень того же дня был получен приказ, отменявший первый. Операция отложена? Или возникли особые трудности? Или наши планы потерпели провал? Налицо были признаки ухудшения погоды, барометр начал падать.

В десять часов был получен новый приказ. Операция начиналась 6 июня, т. е. на сутки позже, чем было намечено первоначально. Вот этот приказ:

«Касается указаний о передвижениях 5 июня, впоследствии отложенных нашим приказом QMPW от 041415. Группам надлежит двигаться по железным дорогам и шоссе 6 июня те же сроки и маршруты. Все оповещены».

Представьте себе приказ в действии... Десантные суда окончили погрузку и ждали указаний о выходе. В глубине страны войска, соответствующим образом организованные, уже направлялись к районам сосредоточения. Машина была пущена в ход.

День 5 июня тянулся бесконечно долго. Я вскрывал телеграмму за телеграммой, ожидая, что в каждой из них может содержаться приказ о дальнейшей отсрочке. За день барометр упал еще ниже. Наступила ночь. Дата начала операции все еще не была перенесена. Обед прошел в молчании. Каждый знал то же, что и все остальные, но соседи не обменялись ни словом.

Это был священный момент, момент исторической важности. Но что мог принести завтрашний день? За окнами поднялся ветер и грозно зашумел в листве деревьев. Метеоролог военно-воздушных сил, которого обычно осаждали, требуя прогноза погоды на следующий день, сейчас оказался в непривычном одиночестве. Никто не спрашивал о погоде.

После обеда я прошел к метеорологической станции, работники которой были заняты сопоставлением данных о погоде. Я долго наблюдал за их вычислениями, но что-то мешало мне спросить о перспективах изменения погоды.

Наш штаб приютился у подножья цепи холмов, покрытой густым лесом, недалеко от Лондона. Я пробрался между стволами деревьев к вершине холма, откуда открывался прекрасный вид на просторы графства Саррей,

раскинувшиеся к югу в вечерних сумерках. Внезапно шум приближающихся самолетов заглушил завывания ветра. Шум все нарастал, переходя из отдаленного гудения в густой рев, и в свете вспыхнувших прожекторов проплыли на восток, к Франции, самолеты и планеры. В этот момент почти все имевшиеся в Англии прожекторы были использованы для обеспечения действий авиации. Они были расставлены так, чтобы лучи образовали световую дорожку, игравшую роль маяка. Следуя вдоль этой световой дорожки, самолеты выходили к району сбора над равниной Сальсбери, которая была отмечена кольцом неподвижных огней. В то время, когда авиадесантные войска уже находились на пути во Францию, военные корабли сосредоточивались у южного побережья Англии, а десантные суда выходили в морское плавание с пунктов стоянки.

Я долго стоял на холме, а потом двинулся домой — спать. Забыться было трудно; в мозгу проносились картины вторжения. Проснувшись, я услышал спокойный голос диктора, сообщившего обо всем происшедшем в одной фразе.

Я поспешил на берег, чтобы видеть колонны кораблей и десантных судов, уверенно пересекавших воды Ла-Манша. И вот здесь, на белых утесах, подножье которых ласкали волны с белыми гребнями, я стоял и плакал, не стыдясь своих слез. Трудно было поверить в реальность всего происходившего.

Действительно ли это я участвовал в планировании, обеспечившем возможность операции? Были ли все эти корабли реальностью? Не пригрезилось ли мне?

Чувства, что месяцами накапливались в душе, прорвались наружу. Свидетель воплотившихся в жизнь предначертаний судьбы, я плакал, закрыв лицо руками... Планирование окончилось.

ГЛАВА X

Финал. Занавес опускается

СОБЫТИЯ ПОСЛЕ НАЧАЛА ВТОРЖЕНИЯ

Все внимание сосредоточилось на берегах Нормандии. Радостный подъем, охвативший нас в день начала вторжения, вскоре уступил место сознанию, что наши трудности не окончились, а, наоборот, только начинаются. Работники управления движением были полностью поглощены своими огромными задачами. В течение первых трех дней перевозки осуществлялись с точностью часового механизма.

Затем началось ухудшение погоды. Оно назревало еще накануне дня вторжения и наводило тогда на неприятные мысли о возможной отсрочке операции. Сейчас переброска грузов была задержана, но войска продолжали высадку в самых плохих условиях погоды. Однако темп перевозок пришлось снизить, а каждое такое изменение требовало сотен поправок в графиках движения. Постепенно погода улучшилась, и перевозки снова вошли в график.

Решение о начале операции 6 июня оказалось как нельзя более удачным. У меня леденело сердце, когда я думал о последствиях промедления хотя бы на один день. Если бы операция началась 7 июня, то доставка в Нормандию последующих волн десанта была бы сильно затруднена; подкреплениям, возможно, вовсе не удалось бы высадиться вместе со своей тяжелой боевой техникой и имуществом, и операция в целом могла оказаться обреченной на неуспех! Вопрос о том, смогли бы высадившиеся войска без подкреплений удержать плацдарм до улучшения погоды или нет, остается спорным. Мы знаем только, что эти войска не предназначались для самостоятельной обороны позиций в течение столь длительного периода.

Так или иначе, в нашем распоряжении оказался лишний день, и успех был обеспечен.

Комические происшествия наблюдались на обоих берегах Ла-Манша. Два наиболее забавных инцидента произошли на английском берегу в день вторжения.

Первый из них — это случай со сверхпедантичным командиром одной части, который позвонил в управление движением и сообщил, что его эшелон из-за технической неисправности не сможет продвигаться согласно имеющимся указаниям. Ему было предложено ждать на месте, пока представится возможность включить его в общий график. Через пять часов этот офицер вновь позвонил в управление, сообщил о готовности эшелона и подчеркнул свое стремление поскорее двинуться в путь. Тогда в управлении проверили по имеющимся таблицам серийный номер этого эшелона и обнаружили, что «эшелон» состоял из самого командира части, его денщика и автомобиля!

В то же самое управление позвонил взволнованный командир другой части.

«Послушайте, — кричал он, — я должен был высадиться во Франции через 30 минут после часа Ч, а я еще сижу в Сассексе. В чем дело?» Он услышал утром по радио о вторжении и потратил несколько часов на то, чтобы узнать, где помещается управление движением. Этот настойчивый и не идущий ни на какие уступки офицер вместе со своим подразделением из семи человек был переправлен той же ночью во Францию, жалуясь, что мы лишили его наиболее интересного переживания во всей его жизни.

Вспоминается также случай с одним слишком осторожным военным врачом, начальником госпиталя. Этот госпиталь, согласно приказу, должен был прибыть в порт по нормальному расписанию, но в назначенное время его в порту не оказалось. После расследования выяснилось, что начальник госпиталя получил приказы о выступлении, но все они имели гриф «совершенно секретно». Поэтому он, не читая, запер их в сейф. В свое оправдание он объяснил, что решил хранить совершенно секретные бумаги впредь до особого дополнительного приказа об их прочтении.

Лагерь для беженцев, рассчитанный, как вы помните, на 6 000 человек, был заперт на ключ с самого дня вторжения. Обслуживающий персонал состоял из 3 000 человек. Их единственным уловом явился какой-то нормандский крестьянин со своей козой. Я не поручусь за достоверность истории, потому что не видел ни крестьянина, ни его козы, но, кажется, это соответствует действительности. Нормандский крестьянин проснулся от гула выстрелов с моря. Снаряды начали падать вокруг его дома, и он убежал. Когда он появился на берегу, его втолкнули на борт десантного судна и привезли в Англию. Здесь было затрачено много усилий, чтобы найти переводчика, владеющего нормандским диалектом. При опросе крестьянин сказал, что он сам не знает, почему взял с собой козу. Короче говоря, лагерь для беженцев должен был либо существовать для содержания этого крестьянина с козой, либо прекратить свое существование, так как необходимости в эвакуации французского гражданского населения не было.

Коснемся реакции противника на наше наступление. 8 июня Мейдстон подвергся сильному обстрелу из дальнобойных орудий. Мейдстон являлся наиболее узким местом в нашей схеме движения. Обнаружил ли это противник или нет, мы не знаем. К счастью, важный мост в центре этого кентского города не был поврежден обстрелом.

После этого единственного огневого нападения наступило затишье до 10 часов вечера 15 июня. В этот момент над Лондоном впервые появились самолеты-снаряды.

На следующее утро я тоже увидел самолет-снаряд. Он проскользнул мимо нашего помещения на высоте менее 300 метров и упал в каменоломню недалеко от одного из главных складов, расположенного ближе одной мили от нас. В течение дня по соседству упали еще три самолета-снаряда.

Днем состоялось срочное совещание, где обсуждались меры по развертыванию зенитной обороны против самолетов-снарядов. Нужно сказать, что мы были потрясены. На два-три дня даже вторжение отступило на второй план. Все усилия были направлены на подготовку зенит-

ных пушек к выполнению необычной задачи. Затем военно-воздушные силы начали развертывать заграждения из аэростатов.

Тридцать тысяч человек были заняты переброской аэростатов из Лондона и других частей страны в Кент и Сассекс.

19 и 20 июня из Нормандии поступили неутешительные сведения. Плохая погода мешала разгрузке. Один из искусственных портов был сильно поврежден штормом. Погибло много людей.

Самолеты-снаряды ежедневно падали в количестве 150 штук. Зенитчики были сбиты с толку трудностями стрельбы по такой цели. Требовались новые приборы. Их доставили из Америки на самолетах и установили. Военно-воздушные силы приняли на себя главную тяжесть в отражении этого нападения. «Спитфайр» не мог состязаться с самолетом-снарядом, но имевшиеся эскадрильи самолетов «Темпест» усиленно уничтожали их. Однако число жертв росло. Целиком была разрушена военная хлебопекарня, поврежден материальный склад. Две казармы получили попадания. Единственная железнодорожная линия, ведущая к одному из портов погрузки, была выведена из строя на 24 часа. Штаб одного района получил два прямых попадания и должен был возобновить работу в другом месте.

Мое помещение стало непригодным для жилья в результате падения одного самолета-снаряда, который полностью уничтожил квартиры двух других офицеров-планировщиков. К счастью, убитых не было.

Но это нападение немцев началось слишком поздно и на вторжении не отразилось. Наши войска продвигались достаточно быстро; вскоре были захвачены станции самолетов-снарядов, и налеты на южную часть Англии прекратились. Однако мы многое пережили, пока они продолжались. Офицеры службы управления движением боятся сказать, что могло бы случиться, если б налеты начались до дня вторжения и проводились в более широком масштабе.

Нет никакого сомнения, что самолеты-снаряды предназначались в первую очередь против войск вторжения. Я убежден, что немцы хотели засыпать наши порты на

южном побережье градом самолетов-снарядов и таким образом сорвать наши планы вторжения. Их замысел провалился, но это случилось лишь потому, что они начали его выполнять на несколько дней позже.

В то время как самолеты-снаряды разрушали жилища англичан, войска вторжения в Нормандии осуществляли свой военный план. Он заключался в том, чтобы окружить основную массу немецких армий в районе Фалез, загнать их в мешок и уничтожить, что открывало нашим войскам свободный путь через Францию в Германию.

Перед глазами командования стояла заманчивая цифра — полмиллиона вражеских солдат в виде приза, — когда оно маневрировало своими войсками вокруг города Фалез.

Операция была проведена в результате тщательного планирования, и все детали были известны личному составу штаба за несколько дней до ее начала.

Но когда началось сражение, обнаружилось, что канадские войска не могут двигаться вперед. Они были прижаты к земле немцами, и горловина мешка оставалась широко открытой.

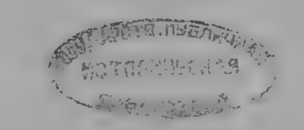
Командующему представилась картина немецких армий, ускользающих из мешка под городом Фалез и ведущих сдерживающие бои на просторах Франции. Это была ужасная мысль для того, кто уже видел перед собой победу. Каждый день он ожидал сообщений о том, что немцы уходят из окружения. Он уже отдал приказ о начале выполнения другого плана, предусматривавшего такую возможность. В этот план входило форсирование с боем Сены, что являлось операцией, требующей высокого искусства и совершенно не похожей на обычные переправы через реки при отступающем противнике. Предполагалась очень опасная переправа с боем против сильного, неразгромленного противника.

И вдруг все поразительно изменилось. Вместо того чтобы выбираться из мешка, немцы начали подтягивать туда подкрепления. Германская печать и радио кричали немецкому народу и всему миру: «Наши армии сбросят союзников в море. Мы не отдадим ни одного дюйма территории. Ни одного английского или американского сол-

дата не останется на французской земле, кроме убитых и пленных».

Командир одной немецкой танковой дивизии, двигавшейся с юга, объяснял в донесении своему командующему армией, что он не мог во-время прибыть в назначенное место вследствие непрерывной бомбардировки английской авиации, но прибудет туда на следующий день. Наши войска перехватили это донесение и предупредительно дали немцу дорогу вместе с его танковой дивизией, чтобы он более спокойно совершил путешествие в ловушку.

Наконец, мешок наполнился, и ловушка была готова захлопнуться. Американские танковые войска начали охват. Рванулись вперед колонны танков, перерезая немецкие пути снабжения. Английские и канадские войска также нажимали сильнее и сильнее, пока, наконец, ловушка не захлопнулась. Немецкие армии были в мешке! Битва за Францию была выиграна, началась бытва за Германию.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Цена 2 р. 25 к.

